

ХРОНИКИ ПРОКОЛА

КНИГА ТРЕТЬЯ

НИТЬ ДРЕВНИХ

Fenuxxx

Генуxxx

Нить древних

«Автор»

2026

Fenuxxx

Нить древних / Fenuxxx — «Автор», 2026

Отражение главного героя, вернувшееся из-за точки, выбрало себе имя и обживаетеся на Земле, а приливы раз в сорок одну минуту стали такой же привычной частью жизни, как летнее отключение горячей воды. Тут-то и находится заказчик последнего прокола, причём живой. Заодно выясняется, что дыру в мироздании Земля проделала не по собственной глупости: её там давно ждали, а десять лет бесплатного света давали в долг. Закрывать все двери нельзя: свет погаснет, и пропадут те, кто остался по ту сторону. Оставить как есть тоже не выйдет, граница истончается, и соседям по вселенной уже нечем дышать. Голос из одиннадцатого окна предлагает слияние миров и обещает, что больше никому не будет больно. Команде надо пройти семь маяков, разобраться, что такое пятое измерение и кто держит нить, и найти выход до 17 марта. Заключительная книга цикла «Хроники Прокола».

© Fenuxxx, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гепухххх

Нить древних

Глава 1

Во вторник, седьмого октября, ровно в одиннадцать, лейка на подоконнике лаборатории «Нейросферы» поднялась, наклонилась над кактусом и в три приёма вылила в горшок всё, что в ней было. Светочка видела это из коридора через стеклянную дверь. Она поставила на пол коробку с картриджами и протёрла очки краем кофты. Лейка уже стояла на месте, носиком к окну, с видом предмета, который никуда не ходил и не собирается.

Иван сидел за столом напротив серого шкафа и делал вид, что читает техзадание на шлемы для областной больницы. Светочка вошла, потрогала землю в горшке и показала ему мокрый палец.

— Иван Викторович, вы автополив купили? Я же видела, она сама наклонилась. Вы мне хоть инструкцию дайте, а то я полью, он польёт, и мы Эдуарда сгноим. Он у нас один.

Иван кивнул с тем выражением, с каким кивают на незнакомую фамилию в списке приглашённых. Имя кактуса он слышал за две недели раз двадцать. Каждый раз оно соскальзывало с памяти, как мыло с края ванны. Светочка про цену Тамбура не знала и считала, что начальник после болезни стал рассеянный. В общем, это было правдой, только болезнь называлась иначе. Уже в дверях она сообщила, что автополив надо было согласовать с ней: за растения на этаже отвечает она, а не техника.

Человек в сером свитере, стоявший у подоконника с пустой лейкой в руке, проводил её глазами и поставил лейку носиком к окну, как было.

— Она меня в прошлый вторник шваброй задела, — пожаловался он без всякой обиды. — Мыла пол и прошла насквозь, как через тёплый воздух, а потом сказала, что сквозит. Мне с ней делать нечего, вот она меня и не видит.

Правило они выяснили ещё в сентябре. Видели гостя те, у кого с ним было дело: Иван, у которого с ним было вообще всё, Толян и Майя. Остальные чувствовали сквозняк, тёплое пятно в воздухе или, как Светочка, мокрую землю там, где никто не поливал. Приходил он по вторникам и уходил, когда дело было сделано. Жить у Ивана он отказался вежливо и окончательно. У Ивана, объяснил он, одна комната, одна кружка и одна мама, а половина от этого выходит ничья.

Лицо у него было Иваново, только старше на непонятную величину, скорее на бессонные ночи, чем на годы. Свитер мама вязала Ивану прошлой зимой. Этот носил свой, тамошний, такой же серый и с той же затяжкой на рукаве. Стоял он всегда немного боком, как человек в гостях, который не знает, куда девать руки.

— Прохор опять спрашивал, — сказал гость и присел на угол стола, где лежали старые распечатки. — Вкладыш у меня голубой, временный, до первого ноября. Потом либо постоянная прописка, либо в книгу к отпущенным. А в постоянную нужно имя. «Прошков-первый» он писать не хочет: это, говорит, порядковый номер, а он не склад.

Иван предложил «Прошков-второй» и услышал спокойное «второй я не буду». На этом разговор, как и в два прошлых вторника, упёрся в стену. Иваном гость себя не называл: два Ивана в одной лаборатории, по его словам, были как два кота на одном подоконнике. Можно, но кто-то всё равно уйдёт. Варианты Толяна были неприличные или смешные, а чаще всё сразу.

Пауз гость не выдерживал. Стоило разговору остановиться, он брал что-нибудь в руки, и сейчас читал вверх ногами распечатку про шлемы, шевеля губами.

Галина Петровна пришла в двенадцать, как приходила по вторникам с сентября, и открыла журнал в клеёночной обложке. Она записывала, когда гость пришёл и ушёл, сколько воды ушло в горшок и какое у Ивана совпадение по датчику. Вела она журнал так же серьёзно, как тридцать лет вела в школе лабораторные по физике. Номер своей квартиры она забыла в ту же ночь, когда Иван забыл имя кактуса. Теперь она находила дверь по табличке, что её как физика бесконечно раздражало.

Гостя она не видела, но слышала, если он стоял близко. В сентябре он однажды написал её рукой записку, и у неё два дня ломило запястье. С тех пор он обещал так не делать и обещание держал.

— Одиннадцать ноль-ноль, полив, двести миллилитров? — спросила она. Иван передал поправку на двести десять, и она записала, не моргнув. — Совпадение?

Иван посмотрел на браслет, увидел тридцать четыре и сказал, что как всегда. Галина Петровна заметила, что как всегда не бывает, бывает тридцать четыре, записала и спросила, решилось ли что-нибудь с именем.

Выслушав про вкладыш и про Прохора, который не склад, она долго протирала очки. Вопрос, сказала она, по-видимому, в том, чтобы имя было одновременно своё и не чужое. Такие вещи решаются словарём, а не выдумыванием.

— Имя Иван не русское, — объяснила она, вырывая из журнала чистый лист, чего обычно себе не позволяла. — Пришло из древнееврейского, у греков было Иоанн, а пока оно ходило по Европе, его в каждой стране обтесали по-своему.

Она писала столбиком: Иоганн, Йоханнес, Ганс, Жан, Джон, Хуан, Жуан, Джованни, Янош, Ян. Потом положила лист на стол и отодвинулась, будто предлагая сделать ход.

Гость наклонился над столбиком и читал медленно, на каждом имени останавливаясь, как на ступеньке. На «Гансе» он поморщился, на «Джоне» хмыкнул. На «Хуане» Иван ждал шутки, но шутки не было. Дочитав, он постучал пальцем по последней строчке.

— Вот этот. Короче, и тот же самый, и при этом не второй. Его просто короче носили, кому-то, видно, было некогда.

— Ян? — переспросил Иван, и гость кивнул.

Галина Петровна слышала только половину, но кивнула, будто этого и ждала. В журнал она записала отдельной строкой: «7.10, 12:14. Выбрал имя: Ян. Свидетели: И. В. Прошков, Г. П.». Подумав, подчеркнула. На замечание Ивана, что у неё теперь протокол, она ответила, что у неё всегда протокол, это у него в жизни бардак. Потом повернулась туда, где по её расчётам стоял Ян, и ошиблась сантиметров на сорок. Если Прохору нужна справка, строго сказала она, пусть обращается: она заверит.

Ян улыбнулся впервые за утро. Улыбка у него была Иванова, только с задержкой, как звук в плохом телефоне.

Майя пришла к обеду с таблицей «Земля. Смена 2», в которой были заполнены пока шестьсот десять строк. Каждая строка была человеком, который умел уйти в гул на такте и вернуться сам, без связки и без того, чтобы его звали. Только таких Счётчики и засчитывали. В сентябре Майя попыталась засчитать Аркадия, который вернулся, держась за Ленин голос. Счётчики ответили, что вернулся не Аркадий, а Лена, и вписали Лену. Аркадий обиделся на неделю.

Яну она кивнула отдельно, как коллеге. Новое имя повторила вслух, словно проверяла на звук, и сказала, что коротко и в таблицу влезает. Иван знал, что у Майи это высшая похвала.

До двадцать второго декабря оставалось семьдесят шесть дней. К этому дню Счётчикам нужно было четырнадцать тысяч сменщиков. Иначе по Уставу первым вставал поручитель, то есть Иван, а дальше шло то, что было написано мелким почерком. План у Майи был простой и, как все её простые планы, очень трудный. Каждый, кто умеет возвращаться, учит одного: сидит рядом, ученик портит, учитель распускает и не кричит. Через неделю ученик садится учить следующего. Методичку выдала Агафья.

— Вязальные круги дают человек сорок в неделю, школа в Наволоке ещё двадцать, — Майя листала таблицу. — Ольга из Мурманска набрала группу из своей бухгалтерии, у них все возвращаются к квартальному отчёту, и Счётчики их засчитывают, хотя, по-моему, они просто боятся его не сдать. У Нино в Тбилиси курсы, Тензин учит монахов. Если ничего не изменится, к декабрю будет четыре с половиной тысячи.

Иван сказал, что учит двоих в неделю и при этом работает. Дима ушёл в банк, бухгалтерии нет, а налоговая пишет такими словами, что Светочка читает их вслух для бодрости. Майя ответила, что не упрекает, а считает. У неё самой в ноябре было заседание по иску Артура Вениаминовича, и аккредитацию ей так и не вернули. Но для этого в таблице не было столбца.

Ян встал у неё за плечом и спросил, считает ли она тех, кто был в Хоре. Двадцать девять проснулись. Туда их вели поручением, а обратно они шли своими ногами, он сам видел.

— Они умеют то, чего вы не умеете, — добавил он, вертя в пальцах карандаш. — Они знают, как оттуда выходят, когда держаться почти не за что. Двадцать девять учителей — это мало, но других таких у вас нет.

Майя быстро что-то записала, подумала и записала ещё. Иван подумал, что эти двое разговаривают друг с другом проще, чем каждый из них с ним. Майя Яна не жалела, Ян Майю не стеснялся. А его самого Майя иногда жалела, и это было хуже всего.

Мама позвонила в четыре и, как всегда, начала издалека: поел ли он и что именно. Потом в трубке стало тихо, только у неё на кухне капал кран, который Иван обещал посмотреть ещё летом.

— Он сегодня был?

Слово «он» мама произносила без нажима, как про соседа, который то ли уехал, то ли нет. Про отражение Иван рассказал ей в сентябре, коротко. Мама приняла это так, как принимала всё, что не укладывалось в её медсестринскую практику. Три дня не звонила, а потом спросила, тепло ли он одевается.

Иван сказал, что был и что теперь его зовут Ян. Мама одобрила. У них в поликлинике был хирург Ян Карлович, очень аккуратный, шил так, что потом шва не найдёшь. По лицу Яна было видно, что хирург ему понравился.

— Ваня, а мне его можно увидеть?

Этого вопроса Иван ждал третью неделю и всё равно оказался не готов. Он объяснил про дело, без которого не видно. Мама подумала и сказала, что тогда пусть он придумает им дело, он же умный. Иван посмотрел на Яна, и тот медленно покачал головой.

— Потом, — сказал Ян. — У меня пока одно дело, и если я возьму второе и не сделаю, будет хуже, чем если бы не брал совсем.

Иван передал, смягчив. Мама сказала «понятно» тем тоном, каким говорила, когда ничего не было понятно. Потом напомнила про кран, про шапку и про рассадку, и Иван пообещал всё сразу.

Толян заглянул после шести, в куртке «Уют-Сервиса» с ромашкой на груди. Ромашку он ненавидел, но за отсутствие формы вычитали из зарплаты. Дар у него был настоящий, только работал, по его словам, как старый приёмник: слышно хорошо, а что передают, понимаешь как получится.

Он кивнул Яну, кивнул Ивану, сел между ними и потёр виски.

— Мне теперь вас двоих слушать? Вы хоть по очереди думайте, — попросил он. — У меня с утра тётка подозревала соседей сверху в заговоре. Я сорок минут слушал и понял, что подозревает она сына, который обещал приехать и не приехал. Сказал ей, что заговора нет. Не поверила, подаёт в суд.

Узнав про имя, он прищурился на Яна, как на новую вывеску, и признал, что нормально, хотя и не Ваню. Ян ответил, что Ваню занят. Толян засмеялся первым, и Иван подумал, что это первая шутка Яна на Земле, дошедшая без задержки.

Потом Толян спросил, как там теперь, после Тамбура. Спросил осторожно, как спрашивают человека, вернувшегося из больницы, про палату. Ян ответил, что тихо, как в подъезде, когда закрыли вторую дверь и перестало дуть. Валерий Палыч стоит у ворот Тамбура и никого не пускает без справки, даже тех, кому справка не нужна. Сборщиков у будки Прохора осталось одиннадцать, и Прохор ругается, что они портят ему вид из окна, но гнать не гонит. Фома держит петлю Седьмого и по субботам спрашивает, не построили ли на Земле баню побольше. Он слышал, что на Земле бывают бани, и с тех пор интересуется.

— А тебе там как? — спросил Толян.

Ян подумал. Он вообще думал перед ответом дольше, чем Иван, и Иван не мог решить, хорошо это или плохо.

— По вторникам хорошо. А в остальные дни я жду вторника. Прохор говорит, это и есть прописка: когда тебе есть чего ждать.

Потом Толян сунул руку во внутренний карман, пошарил, ничего не нашёл и сделал лицо человека, который опять вспомнил, что забыл. Бутылку, которую он десять лет носил с собой и не открывал, перед Ночью годовщины он спрятал в надёжное место. После Тамбура место ушло из головы начисто. Он был уверен, что найдёт, потому что прячет всегда в одно и то же место. Только никак не мог вспомнить, какое у него одно и то же.

Пчёлкин позвонил около семи из гаража Аркадия. После увольнения он сидел там днями под лампой, с Уставом и девятилетней дочерью, которая делала рядом уроки и поправляла ему орфографию. Устав он читал так же, как раньше служебные задачи: построчно и ничего не подтверждая, пока не дочитает.

— Иван Викторович, я по пункту двенадцать, где про поручителя, — сказал он голосом человека, который нашёл в договоре строчку мелким шрифтом и не знает, радоваться или пугаться. — Я думал, там просто «поручитель встаёт первым», а там дальше ещё. Если поручитель встал, его участок «до набора смены переходит в ведение того, кто подал заявку по форме». А мы никаких заявок не подавали. Я в Консорциуме полжизни просидел и знаю: если пункт есть, на него уже кто-то рассчитывает.

Ян уже не делал вид, что не слушает. Он медленно достал из кармана сложенный вчетверо лист, плотный и сероватый, как все бумаги из Города.

— Я хотел после полива отдать. Прохор утром передал, говорит, пришло на имя поручителя. Он такие бумаги не любит, но обязан, раз форма соблюдена.

Иван положил телефон на стол и развернул лист. Почерк был ровный и старомодный, буквы стояли плотно, как солдаты на смотре. Сверху значилось: «Канцелярия. Заявка по форме. Регистрационный номер 11-1», ниже: «Проект "Первое звено". Предмет заявки: семь участков земного полотна в местах их сшивки с общим. Срок исполнения: 17 марта». В графе «Заявитель» стояли буквы, которые Иван последний раз видел на рисунках из папки 1968 года: «С. А. С. (Окно-11)».

Внизу, где на земных бланках пишут «с уважением», тем же почерком была приписка от руки: «Молодой человек, я обещал прийти сам и приду, но бумаги привык подавать заранее. Искренне надеюсь, что вы наберёте свою смену. Если же нет, не беспокойтесь: участок будет в хороших руках».

Пчёлкин в телефоне спросил, на месте ли Иван. Иван ответил, что Пчёлкин прав и заявку подали. На том конце было слышно, как дочка шуршит тетрадкой. Потом Пчёлкин спокойно сказал, что тогда прочитает пункт тринадцатый и всё, что после. Дочка поможет, там есть слова, которых он со школы не видел.

Ян сказал, что ему пора к Прохору с именем: тот принимает до шести, а у них там сейчас шесть всегда. Он кивнул Толяну, кивнул Галине Петровне, на сорок сантиметров левее, чем она сидела, и вышел. Светочка в коридоре поёжилась и сказала, что опять сквозит и вентиляцию пора смотреть.

Иван положил заявку рядом с журналом. Эдуард на подоконнике стоял мокрый и довольный, цветок на нём уже подсох, а земля ещё нет. До второй смены оставалось семьдесят шесть дней, до семнадцатого марта сто шестьдесят один. Галина Петровна, ни о чём не спрашивая, записала под строчкой про имя: «19:04. Получена заявка Канцелярии № 11-1. Срок — 17.03. Заявитель вежлив».

Подумала и подчеркнула слово «вежлив» дважды.

Глава 2

Первым прилив заметил не учёный и не Счётчик, а водитель сорок третьего автобуса. В понедельник, тринадцатого октября, в восемь двадцать три он стоял на конечной у хлебозавода, курил в форточку и вдруг ясно услышал, что пассажирка с задней площадки собирается выйти на следующей и пешком дойти до поликлиники, потому что стесняется спросить, где выход для льготников. Водитель высунулся из кабины и сказал ей, что льготники выходят через любую дверь. Женщина покраснела и вышла через переднюю. Через четыре минуты он уже не слышал ни её, ни кого другого и весь день думал, что пора к врачу.

К вечеру таких водителей были тысячи. Жанна собрала у себя в ленте сорок тысяч рассказов за сутки и в половине десятого вышла в эфир в шляпе цвета мокрого асфальта. Она объявила, что это называется «прилив», потому что накатывает и отходит, и что паниковать бессмысленно. Слово прилипло к утру. Через три дня его произносил диктор на федеральном канале, ни разу не сославшись на источник, и Жанна не обиделась, потому что так и становятся классикой.

Иван узнал прилив по себе раньше, чем по новостям. Такт раз в сорок одну минуту он чувствовал с сентября: лёгкий холодок у затылка, белое по краю зрения, и надо было держаться за что-нибудь своё, чтобы не уйти. Теперь холодок приходил ко всем. Во вторник утром он стоял на остановке у «Нейросферы» и смотрел, как это выглядит со стороны. В восемь сорок две люди на остановке замерли разом, будто кто-то выключил звук. Мальчик со скейтом посмотрел на бабушку и неожиданно взял у неё сумку. Бабушка, кажется, в эту минуту думала, что сумка тяжёлая, а просить неудобно. Мужчина в куртке с капюшоном отошёл от девушки на два шага, хотя ничего не сделал. Девушка с наушниками сняла наушники.

Четыре минуты на остановке было очень тихо и очень вежливо. Потом прилив отошёл, мальчик отдал сумку обратно, бабушка обиделась, что отдал, и пришёл автобус.

Саид объяснил это по видео тем же вечером. Тамбур, по его словам, осел, как оседает новый дом в первую зиму, и на перевязке граница стала тоньше для всех, а не только для тех, кто умеет ходить. На вопрос Майи, опасно ли это, он ответил, что опасно всё, чего люди не понимают. А так это четыре минуты, когда слышно соседей, которых раньше слышали только через стенку и по вечерам.

• • •

Ян пришёл в лабораторию во вторник в одиннадцать, как положено, и полил Эдуарда, не дожидаясь вопросов. Прописка у него была теперь постоянная. Прохор, по его словам, долго смотрел на имя, нашёл, что оно короткое и в графу влезает, и вписал. В графе «Что держит» стояло: «Вторник. Полив». Прохор хотел дописать «кактус Эдуард», но Ян попросил не писать имя, раз Иван его всё равно не помнит. Чтобы было по-честному.

— А у вас там прилив чувствуют? — спросил Иван.

Ян ответил, что чувствуют, только наоборот: в Городе в эти минуты шумнее, и Прохор закрывает окно будки, чтобы не сдуло печати. А Валентин Андреевич хочет попробовать выйти на эту сторону, ненадолго, как на порог.

— Я ему сказал, что вода здесь мокрая, — добавил Ян. — Он заинтересовался.

«Нику-5» показали в среду, пятнадцатого, в двенадцать дня, по всем каналам сразу, и показали хорошо. Мартин Хольт вышел к журналистам в Женеве в сером костюме, без галстука и без ведущего, и говорил медленно, чтобы успевали переводить. Майя потом сказала, что за десять лет не видела презентации лучше: в ней не было ни одного прилагательного.

Продукт назывался «Ника-5. Прилив». Это было приложение и браслет на запястье, серый, без всяких огоньков. У части людей, объяснил Хольт, приливы вызывают тревогу, бессонницу и неприятное чувство открытости. Браслет за полсекунды до прилива подаёт слабый сигнал и мягко сглаживает реакцию, и человек ничего лишнего не слышит. Лицензии получены в девяти странах, испытания на двух тысячах четырёхстах людях побочных эффектов не выявили. Браслет стоит четыре тысячи девятьсот девяносто, приложение первые три месяца бесплатно.

— Предыдущие поколения устройств «Ника» были отозваны, — сказал Хольт, глядя прямо в камеру, — и я лично проверял причины. Это другой продукт, с другой архитектурой. Отчёты испытаний опубликованы полностью. Прочитайте их, пожалуйста.

Пчёлкин прочитал все триста двенадцать страниц в тот же вечер, в гараже под лампой, с дочерью, которая выписывала для него слова. Иван застал его над последней страницей.

— Там всё правда, Иван Викторович, — сказал Пчёлкин, снимая очки. — Испытания настоящие, протоколы подписаны. Хольт не умеет прятать, он умеет проверять. Только мне не нравится одно слово, а почему, я пока не понимаю.

Слово было «сглаживает». Пчёлкин подчеркнул его во всех семнадцати местах, где оно встречалось. Дочь спросила, что значит «сглаживать», и он ответил, что так говорят про углы на мебели, чтобы дети не ударились. Она спросила, а если угол нужен. Пчёлкин посмотрел на неё долго и записал этот вопрос на полях.

К субботе браслетов продали два с половиной миллиона, и жалоб не было. Люди писали, что впервые за месяц спокойно доехали до работы. Одна женщина из Саратова написала, что перестала слышать соседку снизу, которая её ненавидит, и это лучшая покупка в её жизни. Отзывы стояли на четырёх и девяти.

Пчёлкин в ответ сел за старый принтер Аркадия и сделал «Табель приливов». Это была таблица на одном листе, на неделю вперёд, по часам: когда прилив начнётся и когда отойдёт. Справа шли три пустые графы: «Что слышал», «Что сделал», «Подпись». Внизу мелким шрифтом стояло: «Распространяется бесплатно. Сглаживанию не подлежит».

— Зачем подпись? — спросил Аркадий, глядя, как его картридж уходит на благое дело.

— Затем, что если человек сам подписал, значит, он сам и слышал, — ответил Пчёлкин. — Я двенадцать лет подписывал то, чего не читал. Пусть люди хоть тут подписывают своё.

Клава разложила двести листов по почтовым ящикам. Двадцать вернулись скомканными, тридцать два заполненными, причём один с жалобой на саму Клаву, а остальные, по её мнению, люди взяли и думают. Аркадий купил второй картридж и пообещал вычистить его из пенсии Пчёлкина, когда у того будет пенсия.

Суд был в четверг, шестнадцатого, в областном арбитраже. Майя пришла в тёмно-синем пиджаке, который до этого надевала только на похороны. Семён Маркович в горчичном жилете читал свои записи так, будто видел их впервые: свежий глаз, утверждал он, дороже опыта.

Иск был простой и хорошо написанный. Фонд «Ясный горизонт» требовал опровергнуть два абзаца из сентябрьской статьи Майи о клинике «Возвращение». В первом Майя писала,

что фонд «знал о возможных последствиях для третьих лиц и скрыл их». Во втором называла пункт 14.3 бланка согласия «ловушкой, расставленной юристами». Артур Вениаминович встал, поздоровался с судьёй, кивнул Семёну Марковичу как бывший ученик учителю и начал без бумажки.

За двадцать минут он не сказал ни одного лишнего слова. Пункт 14.3 стоит в публичном бланке, крупным шрифтом, на отдельной странице, и «не изучены» значит то, что написано. Чтобы утверждать, что фонд знал, нужно доказать знание, а у ответчицы есть только вывод, сделанный после событий. Остальной текст статьи он не оспаривал и даже показал суду, что факты в нём верны.

— Вы понимаете, что он прав? — шёпотом спросил Семён Маркович у Майи.

Майя понимала. Она написала эти абзацы ночью седьмого сентября, когда в новостях считали пустых. Тогда ей казалось, что если человек пишет «не изучены» про то, от чего потом не просыпаются триста четыре человека, значит, он знал. Теперь, в зале, при дневном свете и маркере, это выглядело тем, чем было: выводом.

Семён Маркович защищал её сорок минут и защищал хорошо. Он даже напомнил, что в День всеобщей слышимости Артур Вениаминович, по свидетельствам многих, собирался подать именно этот иск. Судья Колосова, полная женщина с усталым лицом, ответила, что намерения, услышанные в прилив, доказательствами не являются, а порядок их фиксации законом не установлен.

Решение огласили через час. Два абзаца признать не соответствующими действительности. Опубликовать опровержение в том же издании, тем же шрифтом, в течение десяти дней. Компенсацию морального вреда фонду, как юридическому лицу, не взыскивать. Судебные расходы отнести на ответчицу.

На ступенях Артур Вениаминович подошёл к ним, застёгивая пальто. Он сказал Майе, что статья в целом очень хорошая и что он её дважды перечитывал. Потом добавил, что это не личное.

— Я знаю, — ответила Майя. — Поэтому и обидно.

Артур Вениаминович кивнул, как кивают, принимая квитанцию, и ушёл к машине. Семён Маркович сказал ему вслед, что учил его хорошо, а это всегда выходит боком. Обжаловать Майя не стала. Опровержение она решила написать сама, и так, чтобы его прочитало больше людей, чем статью.

Вечером она отправила Ивану одно сообщение: «Проиграла. Два абзаца. Он прав». И через минуту второе: «В таблице 1 140. Ольга набрала вторую группу».

Валентин Андреевич вышел в субботу, восемнадцатого октября, в гараже Аркадия, в четырнадцать двадцать шесть по табелю Пчёлкина.

Условие у него было одно: выходить туда, где есть дело. Дел на Земле у Валентина Андреевича нашлось немного, и главным была калька его карты, которую Галина Петровна повесила в гараже над верстаком. Саид прислал с курьером два прибора и смотрел по видео. Клава сидела в своём кресле, которое Аркадий привёз на «жигулёнке», потому что с табуретки она отказалась кого-либо видеть. Майя держала секундомер, Толян стоял у двери, Иван сидел на ящике со спицей в кармане.

В четырнадцать двадцать шесть пришёл холодок, и у соседа за стеной замолчала дрель. Секунд десять ничего не происходило.

Потом у карты на стене появился человек.

Он был такой, каким Иван видел его на Вокзале: худой, двадцатитрёхлетний, в сером пиджаке с потёртыми локтями и с карандашом за ухом. Только прозрачнее, как фотография,

которую долго держали на солнце. Придерживаясь за верстак, он смотрел на свою карту, будто нашёл в ней ошибку.

— Север вы мне неправильно повесили, — сказал он вместо приветствия. — Тут же стрелка. Ну ладно, вы не обязаны знать.

Клава смотрела на него, не вставая. Голос у неё был спокойный и даже немного скучный.

— Валя. Ты зачем пришёл? Карту поправить?

— Проверить, — ответил Валентин Андреевич. — Ян говорит, у вас вода мокрая. Я семьдесят три года ничего не пробовал. Мне надо знать, могу я тут стоять или нет. Это не для меня, Клава, это для работы.

Клава налила из Лениного термоса чай в стакан с подстаканником, который Аркадий принёс из дома, потому что «так положено», и протянула, не вставая из кресла. Пальцы Валентина Андреевича прошли по металлу и остановились. Стакан не упал. Он понюхал чай, как нюхают незнакомое лекарство, и отпил.

Лицо у него сделалось внимательным и очень серьёзным, как у человека, который в уме решает трудную задачу и вот-вот сойдётся ответ.

— Сахару не жалеете, — Валентин Андреевич поднял брови.

— Лена кладёт три, — ответила Клава. — Я ей сто раз говорила.

— Правильно кладёт. — Он отпил ещё и поставил стакан на верстак, аккуратно, на газету, чтобы не осталось круга. — Горячий. Вы не представляете, как это много: горячий.

Майя сказала «две минуты». Валентин Андреевич кивнул и повернулся к карте. Он взял карандаш из-за уха и провёл короткую линию на кальке, северо-восточнее Каргополя, где на карте было пусто. Иван видел, что грифель оставил след: тонкий, бледный, но настоящий.

— Это я давно хотел, — сказал Валентин Андреевич. — Там у меня белое пятно было, а тут видно лучше. С вашей стороны рельеф чётче. Я думал, отсюда карту не дочертишь, а выходит, только отсюда и можно.

Толян потом сказал, что ничего особенного не слышал: человеку было тепло, и ему было неловко, что тепло, потому что он пришёл по делу.

— Три минуты, — сказала Майя.

Валентин Андреевич положил карандаш на верстак и вдруг посмотрел прямо на Клаву, впервые с тех пор, как появился.

— Клава. Ты не сердись, что я так, без спроса. Я хотел узнать, можно ли. Мне скоро понадобится. Не знаю ещё зачем, но понадобится, я чувствую. Как по карте: дорогу ещё не видно, а уже понятно, что там дорога.

— Я не сержусь, — сказала Клава. — Я тебе ещё в сентябре сказала, что не сержусь. Чай допей, раз налили.

Он допил, и на последнем глотке сквозь пиджак проступил верстак. На «четырёх» у Майи он поставил стакан на газету, кивнул всем сразу, как кивают на пороге, и его не стало. За стеной снова заработала дрель. Стакан стоял пустой, рядом лежал карандаш, а на кальке осталась новая линия.

— Четыре минуты двенадцать секунд, — сказала Майя. — Ушёл сам, как все.

Клава повертела стакан в руках и объявила, что подстаканник вернёт Аркадию, а стакан оставит себе. Раньше, сказала она, это был его стакан, а теперь нет, и пусть не спорит.

Иван записал в тетради: «18.10, 14:26–14:30. В. А. Орлов на Земле. Стоять может. Держит работа». Подумал и дописал внизу: «Сказал: скоро понадобится». Зачем, он не знал. Но Валентин Андреевич за семьдесят три года ни разу ничего не делал зря, даже когда сел в кресло вместо Северина. Это, правда, было как раз зря.

В понедельник Илья пришёл в гараж с ноутбуком и лицом человека, который нашёл ошибку у себя, а не у других.

Неделю он записывал приливы у сорока добровольцев: двадцать с бумажным табелем Пчёлкина и двадцать с браслетами «Ники-5». У первых кривые вышли разные, у одной на третьей минуте даже был провал, потому что хозяйка уронила тарелку. У вторых прилив проходил одинаково. Илья наложил двадцать кривых одну на другую, и на экране осталась одна линия, чуть толще обычной.

— Разные города, возраст от девятнадцати до семидесяти, один глухой на левое ухо, — Илья ткнул в экран. — У живых так не бывает.

Пчёлкин сверился со своими выписками и тихо прочитал: «Сглаживает». Это, по его мнению, оно и было.

— Им хорошо, — сказал Толян. Он стоял у Ильи за спиной и смотрел на одну толстую линию, щурясь, как на вывеску в тумане. — Я в субботу ехал в автобусе, там половина с браслетами. Мне тихо было, хорошо. Только знаешь, как в школьном хоре, когда все поют правильно. Ни одного, кто фальшивит. Я вот всегда фальшивлю.

Майя попросила сохранить всё и пока никому не показывать: двадцать человек прошли прилив спокойно, для этого браслет и покупали, и Холт был бы прав, написав, что продукт работает по назначению.

Иван вечером открыл тетрадь, где раньше вёл журнал уходов. Он записал: «„Ника-5“: у всех одна кривая. Как у пустых в прошлом году, только им хорошо». Потом зачеркнул «как у пустых», потому что это было нечестно: пустые ничего не чувствовали, а эти чувствовали покой и за него заплатили. Потом подумал и написал зачёркнутое снова, сверху, мелко.

Карандаш Валентина Андреевича так и лежал на полке, и брат его никто не решался, даже Галина Петровна. Прилив пришёл в двадцать один сорок семь. Толян, сидя на ящике, вслух прочитал, что сосед за стеной собирается всё-таки вернуть Аркадию дрель, взятую в прошлом марте. Аркадий записал это в табель Пчёлкина в графу «Что слышал» и расписался.

Глава 3

Карту Валентин Андреевич раскладывал по частям, как раскладывают пасьянс на маленьком столе: прилив за приливом, по четыре минуты, и каждый раз начинал с того места, где остановился. Во вторник, двадцать восьмого октября, гараж Аркадия с утра превратился в чертёжное бюро. Галина Петровна застелила верстак ватманом и прикрепила по углам. Аркадий вынес на улицу всё, что могло упасть, в том числе канистру, которую ни разу не открывал с восьмидесят девятого года. Ян с утра полил Эдуарда и пришёл в гараж по табелю Пчёлкина. Дело у него здесь было одно: он обещал Валентину Андреевичу подавать карандаши, раз уж тот на Земле стоит не дольше чайника.

В двенадцать двадцать один пришёл холодок. Валентин Андреевич появился у верстака сразу с карандашом в руке, будто и не уходил с субботы. Он поздоровался, назвал Аркадия «товарищ водитель» и попросил свет поближе.

— Значит, так, — он провёл по ватману длинную кривую, похожую на береговую линию. — Это наш участок, земной. Я семьдесят лет думал, что черчу Город, а черчу, выходит, заплатку.

Галина Петровна спросила, что значит заплатка. Валентин Андреевич не ответил, потому что прилив уже отходил. Он успел поставить на кривой две точки и сказать «далее в тринадцать ноль два» и ушёл, оставив карандаш поперёк ватмана.

Сорок минут они смотрели на две точки. Клава, которая сидела в кресле у двери и вязала, сказала, что про заплатку она и без карты понимает. Она подняла своё вязанье: серый носок для Ветрова, второй, на пятке которого была пришита круглая латка из другой пряжи. Носок был старый, первый, тот, который Ветров в сентябре принёс как образец и забыл.

— Вот полотно, а вот латка, — объяснила Клава. — Её не к одному месту пришивают, а по краю, в нескольких. Иначе она висит, как ухо.

— А сколько мест? — спросил Иван.

Клава посчитала стежки, держа носок у самых очков.

— У меня семь, но это у меня, я так пришила.

• • •

В тринадцать ноль два Валентин Андреевич поставил ещё три точки. В тринадцать сорок три последние две и подписал каждую мелким чертёжным почерком, каким в шестьдесят восьмом подписывали секретные планы. Карандаш он сломал на седьмой подписи и сказал по этому поводу слово, которое Галина Петровна записывать не стала.

Получилось семь мест, где земная кривая сходилась с внешней рамкой. Первое было на Озёрном-7. Второе в Андах, почти на самом краю ватмана. Третье в Бутане, четвёртое на Кавказе. Пятое в Африке, где Валентин Андреевич поставил точку и знак вопроса, потому что «рельеф там старый, а названия я не знаю», шестое на Шри-Ланке. Седьмую точку он поставил над всей картой, отдельно, на полях, и обвёл кружком.

— А это где? — спросил Толян.

— Наверху, над вами, — ответил Валентин Андреевич. — Я его семьдесят лет видел и думал, что это звезда на кальке пропечаталась, а это шов, и там кто-то держит.

Он говорил быстро, потому что минуты кончались. Земной участок полотна довязали позже общего. Довязали криво, наспех, дверь за дверью, и пришили к общему в семи местах, как латку. В этих местах граница самая тонкая. Поэтому там и Сторожевые, и колокола, и узлы, и всё прочее, что люди вешают на тонкие места, чтобы не порвалось. Агафья такие места

называла маяками, и Валентин Андреевич считал, что слово верное: на тонкое место всегда ставят огонь.

— А заявка про это? — Майя держала в руке копию бумаги из Канцелярии. — «Семь участков в местах сшивки».

Валентин Андреевич посмотрел на неё долгим взглядом. Он стоял уже совсем прозрачный, сквозь него виднелась висевшая на стене схема зажигания «жигулёнка».

— Серёжа всегда любил, чтобы всё в одной точке. У него и в шестьдесят восьмом все провода сходились в одну клемму. Он хочет стянуть все семь швов к одному, к Озёрному, как кошелек на шнурке. Затянет, и латка станет не латкой, а...

Тут прилив отошёл, и карандаш со стуком упал на верстак, потому что держать его было уже некому.

Ян поднял карандаш и положил на ватман, к седьмой точке. Он сказал, что знает, как Валентин Андреевич собирался кончить фразу. В Городе давно говорят, что если всё стянуть в одну точку, получится не заплатка, а узел, и всё полотно соберётся к нему складками. Так завязывают мешок, а в мешке всё вместе, и ничего не отдельно.

Галина Петровна записала это в журнал и подчеркнула «ничего не отдельно». Подумала и подчеркнула ещё раз.

В пять вечера Илья набрал по видео сельсовет в Наволоке. Сельсовет занимал одну комнату в бывшей школе, телефон там был старый, а ноутбук один, Никифоров, с наклейкой «Не трогать — убью» на крышке. Наклейку клеил не Никифор, ноутбук достался ему от внука.

Агафья сидела у самой камеры и закрывала половину экрана. Никифор стоял сзади и закрывал вторую половину. Минут пять они выясняли, кто из них должен держать мышку. Потом Агафья сказала, что она старше. Никифор ответил, что старше на одиннадцать месяцев, а это не считается. Мышку в итоге забрала внучка председателя и встала с ней в дверях.

Майя поднесла камеру к ватману и показала семь точек. Агафья смотрела, наклонив голову, как смотрят на чужой узор, прежде чем повторить.

— Правильно начертил, — одобрила Агафья. — Только тут не семь, а шесть и одна сверху. Сверху не наше, сверху держит тот, кто летает. Я его не знаю. А шесть наших надо перевязать.

— Не трогать, — сказал Никифор, не дав ей договорить.

Дальше пошло так, как, по словам Клавы, у них шло уже полвека. Агафья объясняла, что швы пришивали наспех, дверями, и они держат косо. Если их перевязать по-людски, петля в петлю, латка ляжет ровно и сквозить перестанет. Никифор объяснял, что пришито как пришито. Если начать перешивать, а все сразу полезут перешивать, то латку можно оторвать совсем. Сторожевые с Глухого сто лет держат дверь и ни разу её не трогали, и потому она держит.

— Вы и на Каргопольской ярмарке так спорили? — спросила Клава, наклонившись к экрану.

— На ярмарке он мне сказал, что я неправильно сматываю, — ответила Агафья. — А я сматывала правильно. Пятьдесят с лишним лет назад было, а он до сих пор не признал.

— Ты сматывала на локоть, — сказал Никифор. — На локоть наматывают, когда не жалко.

— А тебе было жалко? Ты ж ничего не покупал.

Иван, глядя на экран, поймал себя на мысли, что он такое уже видел, только в другом исполнении. Совет «Ясного горизонта» спорил о том же, тремя этажами выше и с лучшим

освещением. Одни хотели перешить, другие не трогать, и у каждого была своя правда и свои пятьдесят лет.

Внучка председателя спросила из дверей, можно ли ей уже домой. Агафья махнула рукой, и камера дёрнулась, потому что мышка была проводом прикручена к ноутбуку.

— Перевязать надо, — сказала Агафья напоследок, уже спокойно. — Только не одним узлом, как твой Серёжа хочет. Каждый шов своими руками и по своему узору. Где кипу, там кипу, где звонят, там пусть звонят. А мы своё сделаем на Озёрном.

— А я говорю, не трогать, — повторил Никифор. — Но если она полезет, я с ней пойду. Её одну нельзя, она неправильно сматывает.

Тут экран погас, и Илья сказал, что сеть оборвалась сама, а не они нажали. Клава ответила, что сеть оборвалась, потому что там всё сказано, и ничего лишнего ей слушать не надо.

Саид приехал в среду, двадцать девятого, сам, на поезде. Это было так непохоже на Саида, что Майя встретила его на вокзале и всю дорогу до гаража спрашивала, не случилось ли чего. Саид отвечал, что ничего не случилось. Он просто хотел показать одну вещь не через экран, потому что через экран она выглядит как ошибка, а ошибкой он её признавать пока не хочет.

Он разложил на верстаке, рядом с ватманом Валентина Андреевича, четыре распечатки. Это была отдача поля на городских станциях за октябрь, по часам. Большинство линий шли ровно, с привычными зубчиками на приливах. Две, отмеченные красным, на приливах проседали.

— Пермь и Тольятти, станции у промзон, — показал Саид. — Я сначала думал, датчики. Проверил датчики, потом соседние станции, потом погоду. Потом Лидочка мне подсказала посмотреть, кто живёт рядом.

Лидочка, которая сидела на табуретке у двери с тетрадкой на коленях, покраснела и сказала, что ничего не подсказывала, а просто спросила. Рядом с обеими станциями стояли заводы, которые в октябре купили «Нику-5» оптом для всех сотрудников. В Перми восемь тысяч браслетов, в Тольятти одиннадцать. Корпоративная скидка, забота о персонале, в новостях даже показывали директора, который лично надевает браслет на руку сварщику.

— На приливах, когда весь район в браслетах, отдача падает на два процента, — сказал Саид. — Два процента — это мало, почти погрешность. Но погрешность так не делает. Она не знает, где у людей браслеты.

Пчёлкин подошёл к распечаткам и долго смотрел на красные линии.

— А почему падает? — спросил Пчёлкин.

— Не знаю, — ответил Саид. — Это я и приехал сказать: не знаю. Может быть, совпадение, но я одиннадцать лет считаю поле и совпадений такой формы не видел.

Иван вспомнил толстую кривую Ильи. Двадцать человек, и одна линия на всех. Он ничего не сказал вслух, потому что сказать было нечего. Была толстая линия, были два процента и было слово «сглаживает» в семнадцати местах. Вместе это что-то значило, но что, пока не складывалось.

Майя записала в блокнот: «Ника-5 — два процента. Почему?» Под этим она провела черту и написала второй вопрос, который Иван прочитал вверх ногами: «Откуда вообще берётся энергия?» Вопрос был такой простой, что за одиннадцать лет его никто всерьёз не задавал. Энергия бралась из установки. Установка стояла на месте, электричество шло. Спрашивать, откуда оно берётся, было как спрашивать, откуда в кране вода.

Роли распределяли вечером, в гараже, при Клавином молчании и под табель Пчёлкина. Майя считала, что семь маяков надо пройти до семнадцатого марта. И что Консорциум, получив копию заявки, а он её получит, если ещё не получил, поедет туда же, с разрешениями, юристами и охраной.

— Озёрный за Ветровым, он там сидит, — Майя отмечала на ватмане. — Анды за Асунтой и Эдгаром Кондори, если они согласятся нас принять, я им пишу с сентября. Бутан за Тензином, Кавказ...

— Кавказ за мной, — сказал Толян слишком быстро.

Все посмотрели на него. Толян сделал лицо человека, который вызвался мыть посуду исключительно из любви к посуде, и добавил, что у Нино в Тбилиси курсы переводчиков, а он записан к ней слушателем. Майя написала «Кавказ: Толян, Нино» и ничего не сказала. Клава, не поднимая глаз от вязанья, сказала «ну-ну».

Африку не знал никто. Валентин Андреевич поставил знак вопроса, Агафья сказала, что там «старое», а Саид предположил, что это может быть какое угодно нагорье от Эфиопии до Мали. Майя записала «Африка: найти» и подчеркнула дважды. Шри-Ланка была понятна, там была станция и комната 14-Б. Седьмой маяк, над картой, Майя пометила «Саид, орбита» и поставила три вопросительных знака.

— А мне куда? — спросил Ян.

Он стоял у верстака, где весь день подавал карандаши, и смотрел на семь точек так, как смотрят на карту, по которой никогда не поедешь. Ходить он мог только туда, где у него было дело, и только в прилив. Дело у него на Земле было одно: вторник, полив. В Анды кактус с собой не повезёшь, это Ян понимал и сам.

— Тебе в Анды нельзя, — сказала Майя, не смягчая. — Тебе можно сюда, по вторникам. Если найдём тебе там дело, будет можно туда, а пока не нашли.

— Я понимаю, я просто спросил, — ответил Ян. — Мне бы хотелось хоть один маяк посмотреть с этой стороны. С той я их видел. Там они как фонари на длинной улице, и между ними темно.

Иван хотел сказать, что они найдут. Он вспомнил, что в прошлый раз говорил «найдем» и искал потом три недели, и сказал только, что подумает. Ян кивнул и попросил на будущее не обещать, если не уверен. Ему больше нравится, когда думают.

Под конец вечера Майя открыла таблицу «Земля. Смена 2».

Двести девяносто человек за октябрь привели двадцать девять проснувшихся из Хора. Ян тогда оказался прав: они умели выходить, когда держаться почти не за что, и умели это объяснить. Берёзкин учил на станции, по сменам, строго, с журналом, а Огурцов учил курьеров. Зинаида Марковна учила в школе, где работала до сияния, и ученики возвращались к недорешённым задачам, потому что её задачи не дорешить было невозможно. Скворцов, девяносто три года, учил всех, кто приходил к нему в дом престарелых, и все, кто у него учился, пели потом «Мороз» правильно, все три строчки.

Ольга из Мурманска набрала третью группу. Нино в Тбилиси выпустила первых переводчиков. Тензин прислал список из двухсот монахов, и всех засчитали. Счётчики не делали скидок ни на сан, ни на возраст. Иван подозревал, что монахи возвращались к недочитанным молитвам.

Всего вышло две тысячи триста.

— До двадцать второго декабря пятьдесят пять дней, а нужно четырнадцать тысяч, — Майя смотрела в таблицу. — Если скорость сохранится, будет семь, может, восемь. Если удвоится, будет одиннадцать.

— А если утроится? — не отставал Толян.

— Тогда я поверю в чудеса, а я в них не верю, — Майя закрыла ноутбук. — Счётчики считают по головам. Каждая голова должна вернуться сама. Нельзя пригнать автобус и засчитать автобус.

Пчёлкин, не поднимая головы от Устава, прочитал вслух пункт двенадцатый, тот самый. При недоборе смены первым встаёт поручитель. Участок поручителя до набора смены переходит в ведение подавшего заявку по форме. Заявка по форме подана. Дочь Пчёлкина спросила, что такое «в ведение». Пчёлкин ответил, что это когда твоё становится чужим, но по закону и вежливо.

Иван сидел на ящике у верстака и смотрел на семь точек. Совпадение на браслете показывало тридцать четыре, как всегда. Он подумал, что двадцать второго декабря ему, скорее всего, придётся встать к станку. На сколько, никто не знал. Устав говорил «срок стояния равен числу открытых дверей», а дверей было двадцать две тысячи восьмисот сорок. Если считать по часу, выходило два с половиной года, а Иван столько не простоит. Это знал и он, и Окно-11, вежливо, за подписью.

Клава закончила ряд, воткнула спицы в клубок и сказала, что тысячи не хватает не одному Ивану, а всем. Значит, и искать их всем.

— Я в подъезде с завтрашнего дня записываю. У меня сорок две квартиры, и если в каждой один умеет вернуться, это уже сорок два. А если не умеет, научится, я научу. Я сорок лет Петю домой возвращала, сама не знала, что умею.

Майя открыла ноутбук снова и вписала новую строку: «Подъезд. Отв. К. Ф. Рябинина. План: 42». Подумала и исправила на сорок.

— Это почему сорок? — возмутилась Клава.

— Потому что в двух квартирах браслеты, — ответила Майя. — Я видела в ящиках коробки.

Клава сказала, что поговорит с ними тоже. Иван не стал спрашивать, о чём. Прилив пришёл в двадцать один двадцать девять, гараж затих, и все четыре минуты Иван слушал, как за стеной у соседа капает вода из шланга. Сосед тоже собирался его починить и тоже не знал когда.

На ватмане лежал карандаш Валентина Андреевича, у седьмой точки, обведённой кружком. До двадцать второго декабря не хватало одиннадцати тысяч семисот человек.

Глава 4

Ветров приехал с Озёрного в воскресенье вечером, поездом, с одним портфелем и вязаньем в полиэтиленовом пакете. Ночевал он у Аркадия в гараже на раскладушке, потому что в гостиницу, по его словам, не хотел, а к Ивану не решился. Утром в понедельник, десятого ноября, он сидел на заднем сиденье «жигулёнка» рядом с Клавой и вязал. Клава смотрела, как он вяжет, и время от времени говорила «туже» или «не тяни». Ветров послушно делал туже и не тянул.

— Пятку закроешь сам, — сказала она где-то за Рябиновкой. — Я тебе в прошлый раз по телефону закрывала, хватит.

— Я пока не дошёл до пятки, Клавдия Фёдоровна.

— Дойдёшь, все доходят.

Иван сидел впереди, рядом с Аркадием, и смотрел на дорогу. Дорогу Аркадий знал плохо, а Клава хорошо, хотя не ездила по ней шестьдесят с лишним лет. Она говорила «здесь направо», не поднимая глаз от Ветровского носка, и всякий раз оказывалась права. Аркадий на третий раз перестал проверять по навигатору и обиделся на навигатор.

Сосновый бор стоял в стороне от трассы, за деревней Сосновкой, в настоящем сосновом лесу. Новый корпус для пустых, белый, двухэтажный, с пандусом и аккуратной парковкой, построили три года назад у самого въезда. Там до сентября лежала Зинаида Марковна. Старый санаторий был дальше по аллее, за ржавым забором с табличкой «Объект законсервирован. Вход воспрещён». Табличку повесили, судя по шрифту, ещё при Брежнев.

Майя с ними не поехала. У неё было заседание по опровержению, которое она отказалась отдавать Семёну Марковичу целиком: «Он сделает хорошо, а мне надо, чтобы было моё». Толян был на работе, а Галина Петровна дала Ивану с собой лупу, журнал и инструкцию в три пункта, первым из которых стояло «Ничего не трогать руками без перчаток».

• • •

Ветров открыл калитку ключом, который достал из портфеля. На вопрос Ивана, откуда ключ, он ответил, что ключ у него с две тысячи тридцать пятого года. Он тогда приезжал сюда по заданию фонда составить опись и ничего не нашёл. Говорил он об этом спокойно, как о неудачном рабочем выезде, и Иван подумал, что Ветров за осень изменился. Раньше он держал лицо, а теперь лицо держалось само, и было видно, что ему неловко.

Корпус был длинный, двухэтажный, с колоннами у входа, на которых облупилась жёлтая краска. Окна первого этажа заколотили фанерой, второго нет, и сквозь пустые рамы были видны сосны с другой стороны. Внутри пахло мокрой штукатуркой и мышами. Под ногами хрустело стекло.

Клава остановилась у входа и с полминуты постояла молча, держась за палку. Потом сказала: «Налево» — и пошла первой.

Она вела по памяти, и память у неё была не тёплая, а рабочая, как у завхоза. Здесь была столовая, здесь процедурная, здесь сидела сестра-хозяйка и не пускала детей с улицы. Детей из Сосновки сюда пускали только с молоком, бидоны носили в кухню. Клава носила бидон два лета подряд, потому что у матери болела спина. Больше ничего про детство она не сказала, и Иван был ей за это благодарен. Ему хватало своих воспоминаний, тех, что остались после Тамбура.

В конце левого крыла был короткий коридор без окон и дверь с остатками дерматина. — Здесь, — Клава остановилась. — Вот в эту стенку дядя Валя и зашёл.

Стенка была обычная, оштукатуренная, с жёлтыми потёками. На ней висел кусок старой проводки, а на полу у плинтуса лежала мумия голубя. Ветров достал фонарь и посветил на стену, словно ожидал увидеть дверь, но двери не было.

— Вы здесь стояли? — спросил Иван.

— Я у забора стояла, — ответила Клава. — Год стояла, ты знаешь. А в этом коридоре я была один раз, в тот день, с бидоном. Меня из кухни выгнали, я пошла не туда и увидела, как они бегают. Белые халаты бегают и кричат. Один в коридоре сидит на полу и говорит: «Валя, я тебя верну. Я тебя верну, Валя». Молодой, красивый, это и был ваш Северин.

Ветров выключил фонарь и некоторое время стоял в темноте.

— Мне он этого никогда не рассказывал. Он рассказывал, что потерял сотрудника. Что тот вошёл в резонанс без подготовки. Слово «верну» я от него слышал часто, но про другое. Про то, что мы вернём здоровье, вернём людям время. Я думал, это у него присказка.

— Присказки откуда-то берутся, — сказала Клава и поправила платок.

• • •

Прилив по табелю Пчёлкина был в одиннадцать сорок семь. Ждали его в коридоре у стенки, потому что Валентин Андреевич ещё в гараже сказал, что если и выйдет, то здесь. Дело у него тут было, хотя и не такое, какое обычно бывает у людей. Это была стенка, в которую он вошёл. «Недоделанное, — сказал он тогда, — это не обязательно то, что ты хотел сделать. Бывает, что то, что сделали с тобой. Вошёл и не вышел. Это тоже незакрытое».

Ветров стоял у стенки с фонарём и вязаньем в кармане. Аркадий остался у машины, сказав, что кто-то должен караулить, и это была правда наполовину. Вторая половина была в том, что Аркадий не любил места, где кто-то когда-то не вернулся.

Холодок пришёл, и коридор стал тише, хотя тише было уже некуда. Валентин Андреевич появился у стенки так, будто вышел из неё. Он был в том же пиджаке и с карандашом за ухом. Здесь он был виден лучше, чем в гараже, почти как живой, только немного выпцветший. Иван подумал, что это место знает его лучше, чем какое-либо другое.

Валентин Андреевич посмотрел на стенку, потом на Клаву, потом на Ветрова, и на Ветрове задержался.

— Мы с вами не знакомы, Олег Андреевич, но я про вас слышал. Вы его ученик.

— Бывший, — ответил Ветров.

— Учениками не бывают «были». — Валентин Андреевич повернулся к коридору. — Пошли, у нас четыре минуты, а до котельной далеко. Я тут сам всё прятал, я знаю.

Он шёл быстро и разговаривал на ходу. В августе шестьдесят восьмого Северин работал по ночам и писал всё в тетради. Тетради он держал не в сейфе, потому что сейф проверяли, а в котельной, за щитом, где стоял старый ящик для инструментов. Носил их туда Валя, потому что Валя был стажёр и его никто не замечал. Опись комиссия после того дня составляла по сейфу, и за щит в котельной не заглянул никто.

— А вы почему не сказали в тридцать пятом? — спросил Ветров, спускаясь по лестнице в подвал вслед за прозрачным человеком.

— А вы меня в тридцать пятом спрашивали? — ответил Валентин Андреевич. — Вы меня тогда и не видели. Вы, Олег Андреевич, тогда никого не видели, кроме графиков.

Ветров не обиделся, и Иван видел, что не обиделся по-настоящему.

Котельная была внизу, под всем корпусом, большая и тёмная, с двумя котлами, похожими на спящих слонов. Валентин Андреевич остановился у стены, где висел железный щит с рубильниками, и показал вниз и влево.

— Там, за щитом, на полу, ящик зелёный. Если не сгнил, конечно.

Прилив уже отходил. Валентин Андреевич посмотрел на котлы, на щит, на Ветрова, и Иван услышал, как он сказал быстро и уже почти неслышно: «Чертёж вон висит, посмотрите, Гуськов чертил, руки бы ему...» Его не стало. Карандаш, который он держал в руке, остался лежать на ступеньке.

Ящик сгнил, а папка нет. Ветров отодвинул щит с помощью Ивана и монтировки, которую Аркадий, оказывается, положил ему в портфель ещё утром. За щитом в нише лежала труха от ящика, а в трухе картонная папка, перевязанная бечёвкой. Её завернули в клеёнку, а клеёнка за семьдесят с лишним лет сделалась твёрдой, как кровельное железо.

На папке синим карандашом было написано: «Протокол Н. Лично. С. С.».

Ветров надел перчатки, которые дала Галина Петровна, и развязал бечёвку. Внутри оказались четыре школьные тетради в клетку, по девяносто шесть листов, и отдельно несколько листов миллиметровки с таблицами. Почерк был мелкий, наклонный, с длинными хвостами у «у» и «д». Ветров узнал его сразу.

— Это его. Он и сейчас так пишет, только крупнее, потому что зрение уже не то.

Читали в котельной, при фонаре, сидя на перевёрнутом ведре и куске доски. Клава читать отказалась, сказав, что это не её дело, а её дело было довести. Она села у двери на табуретку, которую нашла в углу, и достала вязанье. Иван держал фонарь, Ветров читал вслух. Начал он по-деловому, как читал бы отчёт аспиранта, но к третьей тетради голос у него поменялся.

Молодой Северин был умный. Это было видно с первых страниц, и Ветров читал это с той гордостью, с какой читают о родственнике. Северин первым догадался, что резонатор цепляет не мозг, а что-то, к чему мозг подключён. Он называл это «стенкой» и писал, что за стенкой «общее». Испытуемые говорили, что во время сеансов слышат чужие мысли и что чужое тянет. Северин записывал: «Слой стремится к одному. Все показания сходятся: за стенкой нет перегородок, есть только тяга к выравниванию».

— Он прав, — сказал Иван.

— Это он увидел первым, — согласился Ветров. Через шестьдесят лет это увидели все остальные, а он в шестьдесят восьмом, на ламповой аппаратуре.

На следующей странице было вот что: «Если слой стремится к одному, значит, разделение — болезнь. Мы страдаем, потому что разделены. Надо не мешать, а помочь».

Ветров дочитал эту строчку и замолчал. Клава у двери перестала стучать спицами.

— Вот тут он и ошибся, — сказала она, не поднимаясь. — Вода тоже стремится вниз. Это не значит, что надо снести плотину.

Ветров посмотрел на неё через котельную и ничего не ответил. Он стал читать дальше, медленнее.

Таблицы на миллиметровке были рабочие, без комментариев. Даты, время, номера испытуемых, частота, мощность резонатора в условных единицах. Иван взял лупу Галины Петровны и стал смотреть, пока Ветров читал тетради.

Было в таблицах одно место, которое Иван заметил не сразу. Шестнадцатого июля шестьдесят восьмого двух испытуемых посадили в резонатор одновременно, в соседние кресла. Номер четвёртый и номер девятый. На двадцать третьей минуте они сообщили, что «совпали»: слышат друг друга целиком, не различают, где чьё. Северин записал это с тремя восклицательными знаками. А в соседней графе, мощность резонатора, на двадцать третьей минуте стояло не сорок два, как во всех остальных строках, а девятнадцать. На двадцать шестой минуте

одиннадцать. На двадцать восьмой испытуемых развели по команде, и мощностъ вернулась к сорока.

Строка с девятнадцатью и одиннадцатью была аккуратно зачёркнута одной линией. На полях стояло тем же наклонным почерком: «Ошибка прибора. Не учитывать».

Иван показал строку Ветрову, и тот посмотрел, снял очки и посмотрел ещё раз.

— Он это видел, — сказал Иван. — Он видел, что когда двое совпадают, поле падает. Он не захотел это видеть.

— Тогда так не думали, — сказал Ветров. — Тогда на ламповой аппаратуре одиннадцать и сорок были одно и то же, она могла выдать что угодно.

— Она выдала одиннадцать тогда, когда они совпали, — ответил Иван. — И вернула сорок тогда, когда их развели. Два раза за полчаса. Это не что угодно.

Ветров не стал спорить. Он сидел на ведре, держа таблицу в руках, и смотрел на зачёркнутую строку так, как смотрят на подпись под документом, который сам когда-то подписал не читая.

Иван подумал о толстой кривой Ильи и о двух процентах Саида в Перми и Тольятти. Связь была, это он чувствовал. Но словами сказать её пока не мог, и решил не говорить, пока не сможет.

В двенадцать двадцать восемь пришёл второй прилив. Валентин Андреевич появился в котельной у щита, прямо перед чертежом, который висел на стене в рамке под стеклом. Это был план подвала шестьдесят седьмого года, с котлами, трубами и вентиляцией, в штампе стояло «Чертил Гуськов Н. П.». Валентин Андреевич ткнул в него пальцем, и палец прошёл сквозь стекло.

— Вот, полюбуйтеся, — возмутился картограф. — Вентиляционный короб у него идёт сквозь несущую стену, сквозь несущую! Я ему тогда говорил, а он мне: «Стажёр, ты сначала институт закончи». Я и не закончил, как видите. А короб так и не построили, потому что стену бы снесли. Тридцать лет человек чертил, и всё вот так.

Иван не удержался и засмеялся. Валентин Андреевич посмотрел на него строго, но и сам улыбнулся.

— А вы нашли, что искали? — спросил Валентин Андреевич, отсмеявшись.

Ветров показал ему таблицу с зачёркнутой строкой. Валентин Андреевич смотрел на неё долго, может, половину отпущенных ему минут.

— Номер девятый был я, шестнадцатого июля, — сказал он наконец. — А четвёртый — Петька Скворцов, шофёр. Его тоже сажали, когда не хватало людей. Мы совпали с ним, это правда, я помню. Было как в бане, когда все одинаково распарены и ничего не надо, и было хорошо. Только лампочка в коридоре мигнула и пригасла, и я подумал: надо же, совпало. А Серёжа прибежал и кричал, что получилось.

— Он зачеркнул, — сказал Ветров.

— Он видел только то, что получилось, — ответил Валентин Андреевич. — Он всегда так видел. Хороший был, только смотрел в одну сторону.

Последняя запись была в четвёртой тетради, на развороте, в самом конце. Ветров перелистал к ней тетрадь, пока прилив ещё шёл, и прочитал вслух. Дата была двенадцатое августа шестьдесят восьмого, вечер, в тот день, когда остановилась «Победа».

«Валя сел вместо меня. Я опоздал на сорок секунд, и его нет. Тело увезли, сказали, жить будет, но его там нет. Его нет нигде, а значит, он там, за стенкой, в общем. Если общее — это всё, то он есть, и я до него дотянусь. Не сейчас, но я его верну. Чего бы это ни стоило».

Валентин Андреевич выслушал это, стоя у щита. Потом сказал «эх, Серёжа» таким тоном, каким говорят про человека, который тридцать лет держит в гараже чужую дрель.

— Я ведь не просил, чтобы меня возвращали. Мне там работа есть. Я ему потом скажу.

— И когда же? — спросил Ветров.

— Когда придёт, он ведь обещал прийти. Он всегда приходит, когда обещает, только поздно.

На этом прилив отошёл, и карандаш Валентина Андреевича упал на бетон рядом с первым и откатился к котлу.

• • •

Обратно ехали уже затемно. Папку завернули в Аркадиев плед и положили на колени Ветрову, тетради он не отдал, и никто не просил. Клава вязала в темноте, на ощупь, потому что, сказала она, руки помнят, а глаза мешают.

Ветров заговорил только за Рябиновкой.

— Сергей Аркадьевич в клинике у Хольта, — Ветров смотрел в тёмное окно. — Ему девяносто один год. Голова ясная, как в шестьдесят восьмом, а тело — нет. Я ходил к нему каждую среду до сентября. Теперь не знаю, пустят ли.

— Пустят, — сказал Иван. — Хольт аудитор, он пустит, если правильно попросить.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — сказал Ветров. — Вы и эта строка. Мне одному с ним не справиться. Он меня выучил, он знает все мои ответы раньше меня.

Иван сказал, что пойдёт. Он подумал, что пообещал не подумавши, и вспомнил просьбу Яна. Но на этот раз он был уверен.

Клава доделала ряд и сказала в темноту, что ученик и учитель — это не навсегда. Бывает, что ученик потом учит учителя, только тот не любит. Ветров ответил, что Северин этого не любит особенно. Клава сказала, что тогда тем более надо.

Дома Иван открыл тетрадь и записал под датой: «Сосновый бор. Протокол Н. 16.07.1968: двое совпали — мощность $42 \rightarrow 19 \rightarrow 11$. Развели — 40. Строка зачёркнута: „ошибка прибора“». Подумал и добавил строку, которая не была научной, но он её всё равно записал: «Он смотрел в одну сторону. Мы, кажется, тоже».

Карандашей Валентина Андреевича в котельной осталось два. Аркадий сказал, что съездит за ними в выходные, и съездил.

Глава 5

Озеро у клиники «Возвращение» в двадцатых числах ноября встало у берегов первым льдом, тонким и серым, как бумага для калек. Белый корпус с окнами до пола стоял над ним на террасе. Издали он был похож на кусок рафинада, который забыли на краю блюдца. Иван видел этот корпус на чешуйке серебрянки ещё летом, когда здания не было, и потом на открытии первого сентября. Каждый раз оно казалось ему меньше, чем на картинке, и аккуратнее, чем нужно.

Мартин Хольт встретил их внизу у стойки регистрации сам, без секретаря. Он был в той же серой куртке без галстука, что и на презентации, только в сменной обуви. По-русски он говорил медленно, правильно и с таким вниманием к падежам, будто каждый подбирал из коробки.

— Профессор Северин согласился на встречу, это его право, он дееспособен. Я буду присутствовать, это моё право как консультанта клиники. Встреча один час, и если давление поднимется выше ста семидесяти, я её прекращу. Вам это подходит?

Иван сказал, что подходит. Ветров сказал «да» и больше ничего, и Хольт посмотрел на него внимательно, как смотрят на строку в отчёте, которая чуть выбивается из колонки.

Хольт спросил про документы, и Иван показал копию таблицы шестнадцатого июля шестьдесят восьмого года. Оригинал Галина Петровна запретила брать из дома под угрозой отлучения от журнала. Хольт взял лист, прочитал, задержался на зачёркнутой строке и вернул.

— Интересно, хотя это не моя компетенция, — заметил Хольт.

Ветров по дороге к лифту объяснил, что «интересно» у Хольта не вежливость: однажды он сказал так про бухгалтерскую проводку, и через месяц трое из финансового отдела фонда искали работу.

Профессор Сергей Аркадьевич Северин сидел у окна в кресле на колёсах, укрытый клетчатой пледом до пояса. Девяносто один год было видно по рукам, по шее, по тому, как он держал голову, чуть набок, будто прислушивался. А по глазам видно не было. Глаза у него были светлые, весёлые и цепкие, как у человека, который сейчас скажет что-нибудь остроумное и уже заранее этим доволен.

— Олег, ты похудел, — сказал он, не поворачиваясь от окна. — И ты вяжешь, я по пальцам вижу: на указательном мозоль. Подойди-ка.

Ветров подошёл, наклонился, и старик быстро и крепко взял его за руку. Так, должно быть, он брал его за руку на защите, сорок лет назад. Потом отпустил и посмотрел на Ивана.

— А вы Прошков, Иван Викторович. Я вас читал, всю вашу работу про информационную составляющую, с табуреткой в конце. Мне её Олег привёз, когда вас выгнали. Вас выгнали правильно, — добавил он с удовольствием. — Вы были правы раньше времени, а за это всегда выгоняют, меня тоже выгоняли. Садитесь, тут стулья для родственников, родственников у меня нет, так что садитесь смело.

Иван сел, а Хольт устроился в углу у двери, достал блокнот и положил на колени, не открывая.

Северин разговаривал легко, как разговаривают люди, которые много лет читали лекции и привыкли, что их слушают. Он не ждал вопросов. Сам начал с шестьдесят восьмого, сам рассказал про «Объект Н», про резонатор, про стенку. Про Валю он рассказал коротко и без

слёз: сорок секунд, кресло, Валя сел вместо него, потому что руководитель задерживался, а частота уходила.

— Он был хороший мальчик, — сказал Северин. — Очень аккуратный, чертил лучше Гуськова. У него никого не было, понимаете, сирота, общежитие. Я был ему вместо всех. Он сел, потому что я опаздывал, и я хотел, чтобы он был мной доволен. И он ушёл туда, а я остался здесь. Вы знаете, каково это — шестьдесят с лишним лет жить с человеком, которого нет?

— Он есть, — возразил Иван. — Он в Городе, у него там работа, он мне сам говорил.

Северин посмотрел на него с интересом, как на студента, который неожиданно ответил на трудный вопрос правильно, хоть и не тем путём.

— Я знаю, что он есть, я его отсюда слышу. Через контур клиники, через ту мою половину, что сидит на Чёрной улице: она мне рассказывает. Валя дорисовывает карту, Валя пьёт ваш чай в вашем гараже. Но это не «есть», Иван Викторович, это «застрял». Он двадцатитрёх-летний мальчик, который семьдесят лет рисует карту места, откуда не может выйти. И вы мне говорите, что так и надо?

Иван не нашёлся сразу, и Северин отметил это лёгким наклоном головы, с явным удовольствием.

Дальше старик рассказывал про машину, и в этой части было видно, что про неё он может говорить сутками. После шестьдесят восьмого «Объект Н» закрыли, его самого отправили преподавать в Новосибирск, и там он двадцать лет учил студентов тому, что не мог делать сам. Резонатор он перестроил в голове заново, деталь за деталью. Потом студенты разъехались, выросли, кто-то стал академиком, кто-то директором. Одна из них, Ирина, молодая и упрямая, собрала первую установку прокола в две тысячи тридцать первом году.

— Ирина Павловна? — переспросил Иван.

— Олегова жена, лучшая из моих, — Северин посмотрел на Ветрова, но тот смотрел на свои руки. — Она меня ни разу не послушала и сделала всё правильно. Я её любил больше, чем Олега, Олег знает. Установка прокола — это мой резонатор, только большой и честный. Она дала людям свет даром, и я десять лет смотрел, как люди греются, и думал, что начинается то, что я увидел в шестьдесят восьмом.

Он объяснил, не дожидаясь вопроса. Слой стремится к одному, и каждая новая дверь — шаг. Интервал сжимается: сорок семь дней, потом сутки, потом девяносто восемь минут.

— Это не авария, Иван Викторович, это движение. Мир идёт к тому, чтобы стенки не стало. А в сорок первом году движение остановилось. Шри-Ланка тянула с пуском третий месяц, комиссии, проверки, инженер Перера писал служебные записки о рисках.

Он говорил, глядя в окно, на серый лёд у берега.

— Перера был хороший инженер, осторожный. Он бы колебался ещё полгода, а у меня полгода не было. У меня тогда уже было сердце, как сейчас. Узел управления через «Clear Horizon» был мой, ещё с тридцать пятого года, Олег его ставил. Я отправил пуск за три секунды до того, как Перера взялся за ручку. Он бы и сам нажал, наверное. Но мог и не нажать.

В комнате стало очень тихо. Холт в углу открыл блокнот и что-то записал, одну строчку. Иван подумал, что Холт, наверное, записал время.

— Вы понимаете, что вы сделали? — спросил Иван. — Сияние прошло по всей Земле, и люди не проснулись. Соседи по слою узнали о нас по пожару.

— Понимаю, — сказал Северин спокойно. — Я понимаю это лучше вас. Я сделал так, чтобы стенка стала тоньше везде. Чтобы Валя мог выйти. Чтобы те, кого увозят без «я», не пропадали, а уходили в общее. Чтобы моя Ирина, — он поправился, — Олегова Ирина, не исчезла, когда её не стало. Она исчезла, кстати, не успели, на полтора года раньше.

Ветров встал, подошёл к окну и стал смотреть на лёд. Северин не обернулся к нему.

• • •

Спорили они почти сорок минут, и Иван потом не мог сказать, кто выиграл. Сравнить это можно было разве что с шахматами, где у обоих сильная позиция и оба знают ходы противника заранее.

Иван говорил про Тихих, у которых двадцать тысяч соседей сверлят над спящим ребёнком. Северин отвечал, что после слияния не будет ни соседей, ни ребёнка, ни сверления, и некому будет жаловаться. Иван говорил про Хор, где люди в серых пледах тянут гласные. Северин отвечал, что в Хоре никто не страдает, а это больше, чем можно сказать про любую больницу на Земле. Иван говорил, что в Хоре никого нет. Северин спрашивал, а в больнице, в последнюю неделю, много кого есть?

— Никто не умрёт, — повторял Северин. — Вот что вы никак не поймёте. Никто никогда больше не умрёт. Не будет стариков, которые лежат у окна и ждут сына по воскресеньям. Не будет мальчиков, которые садятся в кресло вместо учителя. Все будут вместе, все будут всё знать друг о друге, и никому не будет больно. Вы мне скажете, что это плохо?

Иван достал из папки копию таблицы и положил ему на плед.

— Шестнадцатое июля, номер четвёртый и номер девятый. Номер девятый был Валентин Андреевич, он сам мне сказал. Они совпали, и мощность упала с сорока двух до одиннадцати, а когда их развели, вернулась. Вы это зачеркнули.

Северин взял лист, поднёс близко к глазам и прочитал. Почерк свой он узнал сразу, Иван видел это по тому, как дрогнул угол рта.

— Зачеркнул, потому что ошибка прибора. Лампы шестьдесят восьмого года, Иван Викторович, там плавало всё, мы паяльником проверяли контакт.

— Два раза за полчаса, в момент совпадения и в момент разведения?

— Бывает и так. — Северин положил лист обратно на плед. — Но допустим, что не ошибка и что, когда люди совпадают, свет тускнеет. Что с того? Зачем свет тем, кому не надо друг друга разглядывать? Свет нужен разделённым, чтобы видеть, где кто. Вместе свет не нужен. Вы ведь в темноте, обнявшись, не включаете люстру.

Иван хотел возразить и понял, что возразить сразу не может. В этом было что-то неправильное, он это чувствовал всем, чем научился чувствовать за год. Но сказать не мог, как не может сказать человек, у которого слово вертится на языке.

— Холодильники нужны и тем, кто вместе, — сказал он наконец. — И операционные лампы, и отопление.

— Зачем отопление тем, кому не холодно? — спросил Северин мягко.

Хольт в углу сделал ещё одну запись.

— А Валентин Андреевич? Он ведь не просит, чтобы его возвращали. Он просил передать: ему там работа есть. Вы ему обещали вернуть, а он не просит. Это тоже ошибка прибора?

И тут, впервые за весь разговор, Северин не ответил сразу. Он перевёл взгляд с Ивана на окно, на лёд, на террасу, по которой шёл санитар с термосом. Иван видел, как у него на щеке бьётся жилка.

— Валя всегда был вежливый, — сказал он наконец тише. — Он и тогда сказал бы, что ему не надо. Он всегда так говорил, когда ему было надо больше всех.

— А если правда не надо?

— Тогда я ошибся на шестьдесят лет, — ответил Северин с улыбкой, по которой было ясно, что этого он не допустит, даже если увидит своими глазами. — В моём возрасте, Иван Викторович, такие ошибки не признают, их доделывают.

• • •

Хольт встал за семь минут до конца часа и подошёл к креслу. Он показал Северину экран браслета, не говоря ни слова. Там было сто семьдесят четыре.

— Да-да, знаю, — раздражённо отозвался Северин. — Я уже ухожу на тихий час, как пионер.

Он поманил Ветрова, и Ветров вернулся от окна. Старик снова взял его за руку, на этот раз медленнее.

— Олег, ты закрыл Мост, я знаю, мне сказали. Я на тебя не сержусь. Ты всегда был хороший ученик, а хорошие ученики однажды делают по-своему, на то они и хорошие. Вяжи свой носок, а я приду семнадцатого марта сам и всё сделаю сам, и тебе не нужно будет ничего держать. Тебе больше никогда ничего не нужно будет держать, понимаешь?

— Сергей Аркадьевич, в котельной «Соснового бора» была ваша последняя запись, — сказал Ветров.

Северин отпустил его руку.

— Ты нашёл, — без удивления отозвался старик. — Валя тебе показал, значит, он про котельную помнит. Это хорошо. — Он поправил плед и добавил уже Ивану, весело и устало: — Приходите ещё, Иван Викторович. Мне с вами интересно. Я десять лет ни с кем не спорил, они все соглашаются. Хольт тоже соглашается, только записывает.

— Я не соглашаюсь, профессор, я фиксирую, — поправил Хольт.

Северин коротко засмеялся и тут же закашлялся, и Хольт позвонил медсестре.

• • •

В коридоре Хольт попросил Ветрова задержаться. Иван отошёл к окну, но коридор был узкий, и он слышал всё.

Говорил Хольт по-русски, медленно, глядя Ветрову в глаза. Олег Андреевич не является сотрудником клиники с тридцатого сентября и не является родственником пациентов. После его визитов к профессору Северину в сентябре давление у пациента дважды поднималось выше двухсот, это зафиксировано в карте. Сегодня сто семьдесят четыре. Кроме того, Олег Андреевич посещает пациента Бауэра, тоже не родственника, ежедневно, без согласования с лечащим врачом.

— Я с ним вяжу, — сказал Ветров. — Он сидит у окна, я вяжу. Он меня не видит, по моему. Но окна у него с октября открывают на ночь, вы же сами подписали.

— Подписал, но это не меняет моих обязанностей, — согласился Хольт. С завтрашнего дня ваш пропуск в клинику аннулирован. Посещение пациентов — только по письменному приглашению родственников или самого пациента. Профессор Северин может пригласить вас, если захочет. У пациента Бауэра родственников в России нет.

Ветров стоял прямо, держа портфель обеими руками.

— А тетрадь вы прочитали? Строку шестнадцатого июля?

— Прочитал, — ответил Хольт. — Это интересно, но это не моя компетенция. Моя компетенция — чтобы в клинике соблюдались правила, и я их соблюдаю. Мне жаль, Олег Андреевич. Я пишу «мне жаль» не для протокола, у меня в протоколе таких слов нет.

Он повернулся к Ивану.

— Вас, господин Прошков, пациент пригласил сам, и ваш пропуск действителен. Если профессор захочет вас видеть, вам позвонят.

И ушёл к лифту, ровно ставя ноги в сменной обуви, как человек, который сделал всё правильно и знает, что от этого никому не лучше.

Ветров вышел на террасу и долго стоял у перил над озером. Лёд у берега был серый, дальше чёрная вода. На втором этаже, в угловом окне, приоткрытом на ночь, сидел у стекла маленький старик в кардигане. Это был Бауэр, который на Земле был маленький и лёгкий, а в Городе стоял у закрытой Канцелярии без прописки.

— Двадцать дней я с ним сидел, — сказал Ветров. — Он ни разу не повернулся. Я вязал, он смотрел на воду. Я думал, может, когда-нибудь...

Он не договорил, и Иван не стал спрашивать, что когда-нибудь. Ему хватало того, что Ветров стоял тут, без пропуска, с носком в кармане, и не держал лицо.

— Я ведь всё понял ещё в котельной, — сказал Ветров. — И он прав, и вы правы, и кто-то из вас неправ так, что это кончится плохо для всех. А я стою посередине и не могу решить. Сорок лет решал за других, а тут не могу.

— Вы закрыли Мост, — сказал Иван.

— Я закрыл мыс на носке. Это не одно и то же, хотя Клавдия Фёдоровна, наверное, со мной не согласится.

Они пошли к машине. Аркадий ждал у ворот и курил, хотя бросил, и сказал, что это не считается, потому что у клиник всегда хочется. Иван сел вперёд, Ветров назад, к пакету с вязаньем.

Уже на трассе Ветров достал телефон и позвонил Клаве. Иван слышал её голос через динамик, громкий и деловой: что, опять пятка? Ветров сказал, что нет, не пятка, просто его больше не пускают к Бауэру. Клава некоторое время молчала. Потом сказала, что раз не пускают в дверь, надо вязать под окном, на лавке, там окно открыто. Бауэр пусть смотрит на воду, а Ветров пусть смотрит, как петли идут. Ничья земля, Никифор проверял по кадастру.

— Это же лавка клиники, — сказал Ветров.

— А ты свою принеси, Аркадий тебе сколотит, — ответила Клава.

Аркадий сказал «сколочу» раньше, чем его спросили. Ветров положил телефон на колени и засмеялся, впервые за день, тихо и немного растерянно.

Иван вечером записал в тетради: «Северин. Т1 закрыта: пуск через „Clear Horizon“ за 3 с до Переры. Спор вничью. Его довод: свет нужен разделённым. Мой ответ не готов». Подчеркнул последние три слова. Потом вспомнил кактус в лаборатории, чьё имя так и не вернулось к нему после Тамбура. Северин, наверное, сказал бы, что имя кактусу не нужно, раз он всё равно один.

Но кактус был не один. По вторникам его поливал Ян.

Глава 6

Приглашение принёс Ян, во вторник, двадцать пятого ноября, вместе с поливом. Это был плотный сероватый лист с тиснением, сложенный вдвое, как открытка к юбилею. Прохор, по словам Яна, передал его через окошко будки двумя пальцами, как передают квитанцию на штраф. Сказал, что Канцелярия по форме имеет право приглашать, а он по форме обязан передавать. Мнение своё он при этом держит при себе, но оно у него есть.

«Канцелярия. Окно 11. Приём граждан по предварительной записи. Приглашаются: поручитель земельного участка Прошков И. В. (первый), картограф Орлов В. А. Дата: 1 декабря, в прилив. Талоны выдаются на месте. Сопровождающие допускаются в количестве, не нарушающем тишину».

— Это что значит, «не нарушающем тишину»? — Толян прочитал дважды.

— Значит, тебя не возьмут, — сказала Майя.

Толяна всё-таки взяли, потому что без него, сказала Галина Петровна, они Окно-11 не поймут, а понимать его надо целиком, с интонацией. Майя в Город не пошла. Она сказала, что смотреть на лица умеет и отсюда, а в Канцелярии лиц нет, одни окошки. На самом деле у неё в тот же день, в шесть вечера, было заседание по опровержению, второе, и она не хотела опоздать на него из Города. Иван это знал и ничего не сказал.

Первого декабря в одиннадцать утра на кухне у Ивана сидели пятеро. Клава, в своём кресле, привезённом Аркадием в третий раз за месяц, держала берег. Лидочка держала время по станционным часам, которые носила теперь в сумке вместе с тетрадью. Галина Петровна держала журнал. Толян держал бутылку, то есть держал мысль о бутылке, которая теперь была не в кармане и неизвестно где. По его словам, это держит даже лучше, потому что недоделанное.

Иван держал свою спицу с кривой полоской вязания. С лета он ни разу не закрыл на ней петли, нарочно.

Прилив пришёл в одиннадцать девятнадцать. Вход был мягкий, как всегда теперь, после Тамбура. Свет прошёл сквозь занавеску, кухня стала прозрачной, а за ней проступил Двор.

Двор в декабре был такой же, как в июле, потому что времени года здесь не было. Были пятиэтажки «П» разной высоты, бельевые верёвки и стол для домино, за которым Берёзкин когда-то сидел, а теперь сидели другие. Окна горели почти все, только реже, чем летом, и это было хорошо. Прохор Лукич сидел в будке под вывеской «ДОМОУПРАВЛЕНИЕ. ПРИЁМ ГРАЖДАН» и что-то писал в амбарную книгу. На скамейке у будки сидели одиннадцать Сборщиков в серых пальто и шляпах. Вид у них был как у пассажиров, которые давно сошли с поезда, а куда идти, не решили.

Ян стоял у будки, в своём сером свитере, и ждал. Дела у него сегодня не было, но во Дворе он жил, а жильцам дело не нужно, чтобы стоять у собственной двери.

— Я вас до трамвая провожу, а дальше мне нельзя, у меня туда дела нет. Валентин Андреевич уже уехал, служебным, он к ним раньше всех ходит, чтобы не стоять в очереди.

Прохор высунулся из окошка, оглядел Ивана, Толяна и Галину Петровну и проверил у всех обороты голубых вкладышей.

— В Канцелярию по приглашению, — сказал он, не спрашивая. — Ну, это ваше дело. Там вежливые, так что вы там ничего не подписывайте, что не прочитали. А прочитали — тоже не подписывайте, сначала мне принесите.

Галина Петровна пообещала, и Прохор сказал, что знает, чего стоят её обещания: она в прошлый раз обещала вернуться за сорок минут, а вернулась за сорок одну. Галина Петровна ответила, что минуту ей тогда добавила Счётная палата. Прохор сказал, что Счётчики не палата, и они разошлись довольные друг другом.

Трамвай № 41 подошёл через минуту, красно-жёлтый, с той же кондукторшей. Она проверила вкладыши по второму разу и посмотрела на приглашение с тиснением, держа его на вытянутой руке.

— Чёрная улица теперь обслуживается, с сентября, после того, как вы там спицу оставили. Но я вам скажу, как своим: обратно я вас заберу только до Двора, а дальше сами.

Ехали без разговоров. Вокзал в окне стоял тихий, без новеньких, табло показывало «КОЛОМБО — 3, ЛИМА — 7, СОСНОВЫЙ БОР — 1». Иван подумал, что про «Сосновый бор» теперь знает больше, чем табло. Река в окне блестела, и на ржавом ведре у воды сидел Петя с удочкой. Иван помахал, Петя не заметил, потому что клевало.

У ворот Тамбура трамвай притормозил. Ворота были как у старого заводского двора, двустворчатые, с калиткой, и у калитки стоял Валерий Палыч в серой куртке с серой пуговицей. Он посмотрел на трамвай, посмотрел на Ивана и кивнул. Пуговицу он трогал пальцами, как трогают в кармане ключи, проверяя, на месте ли.

Чёрная улица начиналась сразу за поворотом, и была она всё тем же больничным коридором, только тише. Линолеум, зелёная краска до середины стены, лампы дневного света. Одна лампа мигала, и Иван подумал, что, наверное, она будет мигать здесь всегда. Хлоркой пахло слабее. Двери без номеров стояли закрытые, у некоторых на ручках висели таблички «Выписан».

В конце коридора, у двери «КАНЦЕЛЯРИЯ. Приём граждан по талонам», стоял маленький старик в кардигане и галстук. Он стоял прямо, заложив руки за спину, и смотрел на дверь, как смотрят на расписание поезда, который отменили.

— Господин Бауэр, — сказала Галина Петровна.

Бауэр повернул голову, хотя на Земле, в клинике, не повернулся ни разу за двадцать дней.

— Frau Lehrein, вы опять с тетрадью, это хорошо, — отозвался Бауэр. — Здесь все без тетрадей, все помнят наизусть, и все помнят разное.

Толян подошёл ближе и сказал, что Ветров вяжет у него под окном, на лавке, которую сколотил Аркадий. Бауэр ответил, что знает. Он видит петли, когда закрывает глаза, здесь это так устроено. Подумав, он добавил по-немецки, а Толян перевёл, что у Олега третий ряд кривой и пусть ему кто-нибудь скажет.

— А сами не можете ему сказать? — удивился Толян.

— Я не прописан, — ответил Бауэр. — Непрописанные с Землёй не говорят, они только стоят. Вот я и стою.

Автомат у двери выдал Толяну талон «Б-042». В зале ожидания стулья стояли по пять в ряд, пустые, и табло над окошками показывало одну строку: «Окно 11. Б-042». Окна 8, 9 и 10 были закрыты жалюзи, на каждом висела табличка «Окно закрыто. Жильцы прописаны по месту». Окно 11 светилось изнутри ровным жёлтым светом настольной лампы.

Валентин Андреевич сидел в первом ряду с картой на коленях, а когда они вошли, встал и пожал Ивану руку. Здесь рука у него была тёплая и плотная, как у живого.

— Он сейчас откроет, он всегда открывает, когда все в сборе, — сказал Валентин Андреевич. — Не любит повторять.

Жалюзи в окне 11 поднялись сами.

За стеклом сидел старик, и это был Северин. Только не тот, что у окна в клинике, а другой: прямой, без пледа, без кресла на колёсах, в старомодном сером костюме. Акварельный, как остальные копии, но плотнее их, словно его рисовали в несколько слоёв. Перед ним на столе лежала папка с надписью «Первое звено. № 11-1». Рядом стоял стакан в подстаканнике, пустой.

— Иван Викторович, Галина Петровна, Анатолий, Валя, — перечислил он голосом, который был тот же, только моложе лет на тридцать.

На «Вале» он запнулся, едва заметно, и Иван это услышал.

— Здравствуй, Серёжа, — сказал Валентин Андреевич.

Северин ответил тем же словом. Постоять молча им, кажется, хотелось обоим, но времени было четыре минуты по Земле, а здесь неизвестно сколько, и Северин раскрыл папку.

• • •

Изложил он всё ясно и коротко, как излагают на защите, когда комиссия устала. Заявка подана по форме, зарегистрирована Счётчиками, оспорить её нельзя, только отозвать, а отозвать может только заявитель. Пункт двенадцатый Устава: при недоборе смены первым встаёт поручитель. Участок поручителя до набора смены переходит в ведение подавшего заявку по форме. Участок поручителя — это земной участок полотна целиком, все семь швов. Кто держит участок, тот вправе распоряжаться швами.

— Если двадцать второго декабря вы не наберёте четырнадцать тысяч, — сказал Северин, — вы встанете к станку. Вас хватит на какое-то время, Иван Викторович, вы крепкий. А участок, пока вы стоите, будет в моём ведении. Я его не буду портить. Я его аккуратно соберу. К семнадцатому марта все семь швов будут у меня в одной руке, и семнадцатого я приду сам и затяну. Это будет уже не заявка, а исполнение. И помешать мне будет некому, потому что участок мой.

— А если наберём? — Галина Петровна подняла ручку от журнала.

— Тогда участок останется у вас, а моя заявка будет ждать. Заявки по Уставу не сторают. Семнадцатого марта я всё равно приду. Только тогда мне придётся договариваться с каждым швом отдельно, а это хлопотно. — Он улыбнулся. — Видите, я с вами честен, я всегда честен. Мне незачем врать: я прав.

Толян стоял у стены и смотрел на окно, чуть прищурившись. Иван знал этот прищур: Толян слушал не слова.

— Он правда так думает, — сказал Толян тихо. — Ему не страшно, как тем, летом, ему спокойно, как человеку, который составил завещание и отнёс к нотариусу.

Северин за стеклом услышал и кивнул Толяну, как кивают студенту, сказавшему умную вещь.

• • •

В этот момент в окне что-то сместилось. Иван не сразу понял, что именно. Лампа на столе мигнула, и рядом с голосом копии появился второй голос, тот же, но старый, хриплый, с задержкой на полсекунды, как в плохом телефоне. Это был голос из клиники: Северин на Земле, в кресле у окна, вошёл в разговор через контур.

— Серёжа, ты не торопи их, дай им подумать, — сказал второй голос.

— Я не тороплю, я излагаю, — ответил первый.

— Ты всегда торопишь, когда излагаешь.

Галина Петровна перестала писать и подняла голову. Иван смотрел на окно и не мог отделаться от странного чувства: он видел одного человека, который спорит сам с собой, и спорит всерьёз. Копия сидела прямо и говорила ясно. Оригинал за ней кашлял и говорил мягче. Они соглашались во всём главном и расходились в мелочах: в интонации, в том, где поставить запятую. Иван подумал о Яне, потом о себе и потом, что, может быть, Северин знает про две половины одного человека больше, чем кто-либо на Земле, потому что сам так живёт уже два года.

— Валя, ты слышишь меня? — позвал старый голос.

— Слышу, Серёжа, — ответил Валентин Андреевич.

— Я обещал тебя вернуть.

— Я знаю. — Валентин Андреевич встал, держа карту под мышкой, и подошёл к окну почти вплотную. — Серёжа, я не обижен, ты слышишь? Я не обижен ни на тебя, ни на кресло, ни на сорок секунд. Мне тут работа есть. Я карту черчу семьдесят лет, и она не кончена. Меня не надо возвращать. Меня надо оставить в покое и дать мне доделать.

Копия смотрела на него с вежливым вниманием. Голос из клиники молчал.

— Ты всегда так говорил, — сказал наконец старый голос, тихо. — Когда тебе было хуже всех, ты говорил: мне ничего не надо, Сергей Аркадьевич.

— Это я тогда говорил. А сейчас мне правда не надо.

— Как я могу это знать?

— Спросить, — сказал Валентин Андреевич. — Ты меня ни разу не спросил. Ни тогда, ни сейчас. Ты меня всё время возвращаешь, а спросить не спросил.

Голос из клиники закашлялся, долго, и пропал. Лампа на столе перестала мигать. Копия Северина сидела одна, такая же прямая, и аккуратно закрыла папку.

— Он устал, у него давление, и Хольт его отключил. Хольт всегда отключает вовремя, это его достоинство, — объяснила копия и посмотрела на Валентина Андреевича. — Валя, ты карандаш где взял? Это ведь не здешний.

— Земной, — ответил Валентин Андреевич и вынул карандаш из-за уха. — Мне в гараже дали. У них хорошие, только кончаются быстро.

Копия смотрела на карандаш с непонятным выражением, как будто вспоминала что-то и не могла вспомнить. Потом отвела глаза и поправила папку.

• • •

Время уходило, Иван чувствовал это по холодку, который начал отступать у затылка. Галина Петровна дописывала последнюю строчку.

— У меня один вопрос, — сказал Иван. — Почему вы нас позвали? Вы могли просто ждать двадцать второго.

— Из вежливости, — ответил Северин. — Я хотел, чтобы вы услышали это от меня, а не от Прохора и не из пункта двенадцатого. И чтобы Валя слышал. Две даты, Иван Викторович. Двадцать второе декабря и семнадцатое марта. Первую решаете вы, вторую решаю я. Если вы проиграете первую, вторую я решу легче.

Он поднялся из-за стола. Иван впервые увидел его в рост: невысокий, прямой, в костюме, который был в моде, когда Ивановой маме было лет пять.

— Я буду вежлив, молодой человек. Я всегда вежлив, даже когда меня ругают, и особенно тогда.

Жалюзи опустились, табло над окном погасло, и строка «Б-042» исчезла.

Обратно шли пешком до трамвая, мимо Бауэра, который стоял у двери, заложив руки за спину. Галина Петровна, проходя, пообещала ему передать Олегу Андреевичу про третий ряд, и Бауэр кивнул.

Валентин Андреевич шёл рядом с Иваном и молчал до самых ворот Тамбура. Там он остановился, посмотрел на Валерия Палыча с его серой пуговицей и сказал, не поворачиваясь:

— Он меня не слышит шестьдесят лет. Слышит, только когда я говорю, что мне надо, а тогда слышит хорошо.

— Он вас слышал, — сказал Толян. — Я слышал, как он вас слышал. Ему стало страшно на секунду. Потом он это убрал. Как убирают со стола, когда гости пришли.

Валентин Андреевич кивнул и пошёл к Вокзалу, к своей мастерской с кульманом, служебной дорогой, а трамвай подошёл к остановке.

Иван вернулся сам, на двадцать седьмой минуте, к спице с незакрытыми петлями. Толян вернулся на двадцать девятой, к бутылке, которую не мог найти. Галина Петровна вернулась последней, на тридцать первой, к журналу. Она дописывала его там, в Городе, и дописала, и только тогда вернулась.

На кухне Лидочка записала время, Клава закрыла глаза и сказала, что колено не ноет, значит, все свои. Иван посмотрел на часы.

Двадцать второе декабря было через двадцать один день. Семнадцатое марта через сто шесть. Майя прислала в шесть сорок одну строку: «Второе заседание: опровержение утвердили в моей редакции. Мелкая победа». И через минуту вторую: «В таблице 4 870. Вы как?»

Иван написал ей, что две даты объявлены вслух и что Окно-11 вежлив. Майя ответила одним словом: «Знаю».

Вечером Иван позвонил Ветрову на Озёрный. Ветров сидел на своей новой лавке под окном Бауэра, в пуховике, с фонариком на лбу, и вязал. Слышно было, как у него за спиной плещет вода у кромки льда. Иван передал ему про третий ряд. Ветров сначала не поверил, потом посветил фонариком на вязанье и долго считал петли вслух.

— Кривой, — сказал он наконец растерянно. — Правда кривой. Он видел. Он двадцать дней не поворачивался, а видел.

Иван сказал, что Бауэр стоит у Канцелярии и что в Городе он поворачивается. Ветров ответил, что распустит третий ряд прямо сейчас, при нём, под окном, чтобы тот видел, что ему передали. Иван не стал говорить, что Бауэр видит петли, когда закрывает глаза, а не когда смотрит в окно. Это было уже неважно.

Галина Петровна на кухне подчеркнула в журнале слово «вежлив» в третий раз, теперь красным.

Глава 7

Камень на Озёрном нашли в тридцать пятом году, когда рыли котлован под ангар. Ветров рассказывал об этом в поезде так, как рассказывают про неудачный ремонт. Экскаватор упёрся во что-то на глубине трёх метров. Прораб велел ломать, а геолог, приехавший случайно, велел не трогать. Пока они ругались, приехал Ветров, тогда ещё заместитель по науке, и увидел на боку валуна резьбу. Это были петли: ряд за рядом, лицевая, изнаночная, перехлёст через одну. Резьба была такая старая, что края у неё сгладились, как у ступенек в монастыре.

— Мы его подняли краном и поставили в ангар, — сказал Ветров. — Назвали «опорный объект Н-7». Северин тогда сказал, что это якорь, и я поверил, и кресло звена мы ставили к нему метр в метр, думали, что усиливает.

— А что он делает на самом деле? — спросила Майя.

— Не знаю, — ответил Ветров. — Я десять лет мимо него ходил и ни разу не спросил, что он делает. Я спрашивал, как его использовать.

Агафья, сидевшая у окна с вязаньем, сказала, не поднимая головы, что так все и спрашивают. Никифор, сидевший напротив неё, сказал, что так спрашивают не все, а только учёные. Ветров не стал спорить ни с тем, ни с другим.

Ангар Консорциума на Озёрном-7 стоял на прежнем месте, огороженный новым забором из сетки в два человеческих роста. Сверху шла колючая проволока, через каждые двадцать метров висели камеры. Ворота были закрыты, у ворот стояла будка охраны, а на будке висело объявление, отпечатанное на хорошей бумаге и заламинированное: «Объект ПРГ. Режим ограниченного доступа. Основание: решение Постоянной рабочей группы по координации № 412 от 14.11». Майя сфотографировала объявление и сказала, что номер четыреста двенадцать ей нравится, он круглый.

В будке сидел охранник, молодой парень в форменном бушлате, с лицом человека, который третью неделю дежурит у пустого ангара в лесу и уже знает всех местных лисиц по именам. На табличке у него на груди было написано «Николай». Он вышел к сетке, увидел пожилую женщину с палкой, деда с бородой, двух мужчин и молодую женщину с блокнотом. По лицу его было видно, что такой компании в инструкции не предусмотрено.

— Вход воспрещён, у нас режим, — сказал он, подумав.

— А мы не входим, мы тут посидим, — ответила Агафья.

Никифор достал из рюкзака бумагу в файле и показал Николаю через сетку. Это была выписка из кадастра, с печатью и подписью районного специалиста. Полоса земли шириной в пятнадцать метров между забором Консорциума и берегом озера ни за кем не числилась. Никифор проверял её ещё в сентябре, перед Ночью годовщины, и с тех пор носил выписку с собой, как паспорт.

— Ничья земля, — объяснил Никифор. — Можешь позвонить начальству, пусть придут, поглядят.

Николай позвонил, и начальство, судя по тому, что Николай повторял в трубку «так точно» и «никак нет», знало и про полосу, и про Никифора. Оно велело не препятствовать, но фиксировать. Николай вернулся в будку, достал журнал и стал фиксировать: «10.12, 10:40. У забора пять человек. Сидят».

• • •

Агафья поставила на полосе свой ящик, тот самый, на котором сидела в сентябре, и села, расправив юбку, а Никифор встал рядом. Иван сел на рюкзак. Майя стояла с секундомером, Ветров сел прямо на мёрзлую траву, потом подумал и встал.

Камня отсюда видно не было. Анггар стоял метрах в сорока за сеткой, глухой, серый, с закрытыми воротами. Агафья сказала, что видно и не надо. Шов не в камне, камень — это отметка, как зарубка на дереве. Шов идёт по берегу, по воде, и под ногами у них, и под забором, которому всё равно.

— Испытание тут простое: вдвоём узел завязать на шве. Если узел держит, значит, шов вас признал. Здешние так делали, Сторожевые с Глухого. Раз в год, на зимнее солнце, двое садились на берег и вязали, Никифор знает.

Никифор подтвердил, что знает: они с братом ходили, пока брат был жив.

— А почему обязательно вдвоём? — спросила Майя.

— Потому что шов, — сказала Агафья с таким видом, будто это было очевидно. — Шов один не сошьёшь, нужно два края.

Иван спросил, кто будет вторым. Агафья посмотрела на него так, как в сарае в Наволоке смотрела на учеников, которые задают вопрос, ответ на который уже знают.

• • •

Ян пришёл с приливом в одиннадцать пятьдесят одна, хотя была среда.

Это обсуждали всю неделю. Ходить Ян мог только туда, где у него было дело, а дело у него на Земле было одно, вторник и полив. Ни в какие среды, ни на какие озёра. Агафья, услышав это по телефону, сказала, что у него тут дело есть, и большое, просто он не смотрел. Над этим озером в сентябре висела его тёмная нитка, нитка якоря, которую ему завязал Ветров. Когда Ян выбрал кактус, нитка ослабла и уползла к озеру сама. Уползла, но не развязалась. Один конец так и висит над водой, незавязанный. Это недоделанное, и оно его.

— Дело не по вторникам, а по делу, — сказала Агафья.

Ян появился на полосе у самой воды, в сером свитере, и сразу посмотрел на озеро. Иван тоже посмотрел, но ничего не увидел. Ян, видимо, видел: он долго смотрел в одну точку над льдом, в метре от берега.

— Висит ещё, — сказал Ян. — Я думал, его уже нет. Я его не завязал, когда уходил, торопился к вторнику.

Ветров стоял в двух шагах и смотрел туда же, куда Ян, хотя видеть его, может, и не мог. Ян повернулся к нему.

— Олег Андреевич, вы мне её завязали, и я не сержусь. Вы мне тогда дали первое, что у меня было. Это было не моё, но это было. Без него я бы, может, и кактус не выбрал.

Ветров открыл рот, закрыл и кивнул. Иван подумал, что Ветров Яна видит. Значит, дело у них общее, и это дело — тёмная нитка над озером.

• • •

Агафья достала из сумки клубок суровой нитки, серой, льняной, и отмотала метра два. Один конец она дала Ивану, другой протянула туда, где стоял Ян. Нитка повисла в воздухе, а потом натянулась: Ян её взял.

— На шве вяжите, прямо над тем, что висит, — велела Агафья.

Иван и Ян встали рядом у самой воды. Иван чувствовал Яна плечом, как чувствуют тёплый воздух из открытой двери, и они начали вязать.

Узел был простой, прямой, такой знает любой, кто хоть раз завязывал рюкзак, и Ян знал его тоже, потому что память рук у них была одна. Руки пошли одинаково. Иван перехлестнул, и Ян перехлестнул. Иван потянул, и Ян потянул в ту же сторону и в ту же секунду. Это было удивительное ощущение, как танцевать с зеркалом. Иван подумал, что сейчас всё получится легко и быстро, потому что они думают одинаково.

Узел соскользнул, нитка развязалась сама и повисла, как будто они ничего не делали. Агафья велела пробовать ещё, и они пробовали ещё и ещё. Иван старался не торопиться, Ян тоже старался не торопиться, и они не торопились одинаково. Узел сползал каждый раз. На пятый раз Иван выругался вслух, Ян выругался одновременно с ним тем же словом, и Майя засмеялась, хотя смешного было мало.

— Вы одной рукой вяжете, одинаково тянете, — сказал Никифор. Он стоял, опершись на палку, и смотрел на них, как смотрят на мужиков, которые втроём несут одно бревно не в ту сторону. — Так узла не будет. Узел — это когда один туда, а другой сюда. Одинаковые узла не завяжут, хоть до весны сидите.

Иван посмотрел на Яна. Ян посмотрел на Ивана, и в первый раз Иван увидел у него на лице что-то, чего не было у него самого: упрямство. Не Иваново упрямство, а другое, тихое, как у человека, который год простоял у станка без допуска.

— Ты держи свой конец, а я свой, — сказал Ян. — И не подстраивайся под меня, я не ты.

— А ты не подстраивайся под меня, — ответил Иван.

На этот раз Иван думал не о том, как сделать одинаково, а о своём конце нитки, о своей руке, о холодной воде у сапога. Ян, видимо, думал о своём: о тёмной нитке над льдом, о вторнике, о кактусе. Руки пошли по-разному: Иван тянул на себя, Ян от себя, Иван торопился, а Ян нет. Это было неудобно, нитка резала пальцы, и казалось, что сейчас развяжется.

Узел затянулся, тугой, маленький, серый, прямо над тем местом, куда смотрел Ян.

Иван почувствовал это всем телом, как чувствуют, когда в тёмной комнате находишь выключатель. Что-то под ногами, под берегом, под забором Консорциума, встало на место. Не громко, не светом, а как встаёт на место вывихнутый палец: щелчок, и потом не болит. Ветров ахнул, и Иван увидел, что в ангаре за сеткой мигнул свет в узком окне под крышей.

В будке у ворот зазвонил телефон.

• • •

— Признал первый шов, — сказала Агафья и спокойно убрала клубок в сумку. — Теперь он знает, что вы есть. Узел не снимайте, пусть висит.

Ян смотрел на узел, и тёмной нитки над водой, Иван был уверен, больше не было. Её завязали, и она стала частью узла.

— Я понял, — сказал Ян тихо. — Граница — это когда двое. Если одинаковые, то и границы нет, есть только одна рука.

— Вот, а то учёные, — сказала Агафья.

Прилив уже отходил. Ян обернулся к Ивану, и Иван увидел, что ему надо сказать что-то срочно, пока не ушёл.

— Я тебе не говорил, — сказал Ян быстро. — Что я видел там, за точкой. Когда держал петлю Седьмого, я иногда смотрел вниз. Там, под всем, ниже Города, ниже Реки, нитки. Длинные, очень старые, идут вдоль, как основа на ткацком станке у Агафьи в сарае. Я думал, это просто так, это устройство. А сегодня я завязал узел и почувствовал, что этот шов к ним пришит, к длинным. Они держат всё.

— Кто они? — спросил Иван.

— Не знаю, старые. Мне показалось, что некоторые... — Ян не договорил. Прилив отошёл, и его не стало. Нитка, завязанная узлом, осталась висеть в воздухе над льдом, сама по себе, ни к чему не привязанная.

Агафья посмотрела на это место и сказала, что Ян правильно сказал: длинные держат всё. Она это знала от бабки, а бабка от своей бабки. Но говорить про них не любят, потому что про основу не говорят, на основе вяжут. Майя записала в блокнот: «Длинные нитки, очень старые. Основа?» Подумала и поставила вопрос.

Николай вышел из будки с телефоном в руке и подошёл к сетке. Вид у него был растерянный.

— Там это... датчики сработали в ангаре, на опорном объекте, скачок какой-то. Начальство спрашивает, вы ничего не делали?

— Узел вязали, — сказал Никифор.

— А можно так и записать?

— Так и пиши: узел, вдвоём.

Николай вернулся к будке и записал. Потом снова вышел к сетке, потому что ему было скучно, а люди были интересные. Ветров, который всё это время стоял в стороне, достал из кармана свой носок и спицы, сел на ящик рядом с Агафьей и начал вязать. Николай смотрел на это через сетку минуты три.

— А это сложно? — Николай кивнул на спицы.

— Сложно, я полгода учусь, — ответил Ветров. — До сих пор третий ряд кривой.

— А мне можно? Тут скучно, тут до пятнадцатого дежурить, а интернета нет, вышку отключили, чтобы мы не отвлекались.

Ветров посмотрел на Агафью, Агафья пожала плечами, и тогда Ветров достал из пакета запасные спицы, деревянные, и маленький клубок красной шерсти и просунул их через ячейку сетки. Ячейка была узкая, клубок прошёл с трудом.

Следующие сорок минут Ветров учил охранника Николая вязать лицевую петлю через забор режимного объекта Постоянной рабочей группы. Он показывал на своих спицах медленно и громко, как глухому, а Николай повторял на своих и путался. Агафья поправляла их обоих. Никифор сказал, что такого не видел даже на Каргопольской ярмарке. Майя сфотографировала их вместе: забор, колючка, табличка «Режим ограниченного доступа», а по обе стороны сетки двое мужчин со спицами, один в пуховике, другой в форменном бушлате.

— В отчёт это не пойдёт? — спросил Николай с беспокойством.

— Пойдёт, — сказал Ветров. — Пиши «проведено обучение», это чистая правда. Начальство любит, когда проведено обучение.

К концу прилива у Николая было восемь кривых рядов. Он сказал, что будет вязать в будке, пока не вернут интернет, а может, и потом.

Через час к воротам подъехал белый внедорожник с номерами области. Из него вышла женщина лет сорока в длинном пуховике и с папкой, представилась Гладких, юристом Постоянной рабочей группы по северо-западу, и поздоровалась с каждым за руку через сетку. Николай спрятал спицы в карман бушлата так быстро, что уколол себе ногу.

Гладких прочитала выписку Никифора внимательно и до конца, даже штамп районного специалиста. Сказала, что выписка верная и полоса действительно ничья, претензий у группы нет. Потом достала из папки свою бумагу. Это было заявление в районную администрацию о включении прибрежной полосы в охранную зону объекта, поданное второго декабря и зарегистрированное за номером. Рассмотрение займёт тридцать дней. Через тридцать дней, если не будет возражений, сидеть здесь будет нельзя.

— Второго декабря, — повторила Майя. — На следующий день после того, как Окно-11 назвал нам даты.

— Я не знаю никакого окна, — вежливо ответила Гладких. — Я знаю, что в сентябре здесь сидела гражданка Агафья Тимофеевна, а в декабре сидят пятеро, и датчики дают скачки. Моя работа — чтобы объект был защищён по закону. Возражения можете подать в администрацию, адрес в заявлении.

Никифор взял копию заявления, сложил вчетверо и убрал в файл к выписке. Сказал, что возражение подаст, а пока тридцать дней не прошли, земля ничья. Гладких согласилась и уехала, оставив визитку. Ветров потом сказал, что она лучшая из тех, кого он нанимал, и что нанимал её он сам, в тридцать восьмом году.

• • •

Вечером в гостинице у трассы, в номере, где вместо стульев стояли две табуретки и кровать, Майя открыла таблицу. В таблице было семь тысяч пятьсот сорок.

— Удвоилось за девять дней. Значит, метод работает: каждый учит одного, и они учат дальше. Если не сломается, к двадцать второму будет около четырнадцати, плюс-минус несколько сотен.

— А если минус? — спросил Иван.

— Тогда минус, — Майя закрыла ноутбук. — Я не умею считать то, чего ещё нет. Я умею считать то, что есть.

Иван посмотрел на браслет: тридцать шесть. Было тридцать четыре с сентября, весь октябрь и весь ноябрь. Он ничего не сказал. Майя увидела, потому что всегда видела, и тоже ничего не сказала, только записала цифру в блокнот, а не в таблицу.

Ветров позвонил в девять. Охранник Николай, сказал он, вяжет третий час, и у него получается лучше, чем у Ветрова, что обидно. А ещё Николай, оказывается, родом из Каргополя, и бабушка у него вязала, и он всё помнит, только забыл, что помнит. Никифор, услышав это, сказал, что Каргопольские всегда так: всё помнят, только сами не знают. Агафья велела передать Николаю, чтобы не вязал ту же, чем держит рука, иначе к утру пальцы не разогнёт. Ветров передал. Николай ответил, что у бабушки так и было написано карандашом на коробке из-под спиц, только он всю жизнь думал, что это про варежки.

Лёг Иван поздно, а перед сном открыл тетрадь и записал: «10.12, Озёрный-7, маяк № 1. Узел вдвоём: одной рукой не держит. Держит, когда каждый своё. Граница — это двое». Ниже он записал слова Яна про длинные старые нитки, которые держат всё. Подумал и добавил, мелко, внизу страницы: «36».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.